

Помочь можно живым: Сборник фантастики. Составитель Л.Ю.Шувалов. – М.: Молодая гвардия, 1990, 480 с. ISBN 5-235-01543-6
Стр. 407-480.

Порфирий Инфантьев (Новгород)

Почти два десятка лет тому назад литератор и кинокритик В. Ревич в статье «Полигон воображения», опубликованной в сборнике «Фантастика 69-70», писал: «Как ни слаба была дореволюционная русская фантастика, но и она вполне своевременно откликнулась на марсианскую тему. В 1901 году в Новгороде была издана маленькая книжечка «На другой планете», принадлежащая перу известного в свое время писателя-этнографа Порфирия Инфантьева».

Со «слабостью» фантастики в творчестве наших предков вышел, как известно, конфуз. После появления в семидесятые годы двух «молодогвардейских» сборников («Взгляд сквозь столетия» и «Вечное солнце») неожиданно выяснилось, что запас фантастических произведений и восемнадцатого, и девятнадцатого, и начала двадцатого столетий достаточно солиден. Что к фантастике охотно прибегали представители самых разных литературных школ и направлений: Карамзин, Радищев, В. Одоевский, Вельтман, Сенковский, Гоголь, Булгарин, Чернышевский, Тургенев, Лесков, Достоевский, Куприн, Богданов, Морозов, Брюсов, Хлебников и многие другие мастера пера. Любители НФ с изумлением открыли: именно в России впервые было предсказано появление подводных лодок, поселений на дне моря; самолетов, парашютов, даже — увы! — отравляющих боевых газов и бомб наподобие термоядерных; к числу драгоценных находок отнесем и машину времени, «изобретенную» у нас за полвека до написания известного произведения Уэллса (за подробностями отсылаю читателя к своему послесловию к сборнику «Русская фантастическая проза XIX — начала XX века». М., изд-во «Правда», 1986).

Но, может быть, В. Ревич все-таки прав хотя бы в своем суровом приговоре именно повести «На другой планете», приговоре, начинающемся такими словами: «Особой эстетической ценности книга П. Инфантьева не представляет...»?

В ту застойную эпоху, когда гремели уничтожающие залпы на полигонах воображения В. Ревича, общество было вынуждено безапелляционно выслушивать любые, в том числе и подобные, приговоры. Да и поди разыщи книжицу, коей осталось во всем нашем Отечестве всего-то несколько экземпляров...

С тем большим удовольствием рекомендую читателю этого сборника ознакомиться с трудом Инфантьева. Но прежде следует сказать еще и о том, о чем умолчал кинокритик и литератор.

Порфирий Павлович Инфантьев (1860-1913) действительно был известным писателем, автором нескольких десятков книг, посвященных преимущественно малым народам Сибири («Зауральские рассказы», «Сибирские рассказы», двухтомник «Жизнь народов России» и т. д.). Однако не менее был он известен и как профессиональный революционер. Как каторжанин, сбежавший из сибирской ссылки (автобиографическая повесть «Побег»). Как человек несгибаемой воли, отсидевший ровно год в камере-одиночке «Крестов», той самой печально знаменитой петербургской тюрьмы, где, случалось, узники за несколько месяцев сходили с ума или кончали жизнь самоубийством (неплохо, ох, неплохо бы вместе с «Побегом» переиздать и другую повесть-воспоминание - «Кресты»).

Но и оказавшись на свободе, Инфантьев оставался до конца дней под надзором полиции — да, вся его сознательная жизнь прошла под пристальным взором доносчиков. Стоит ли удивляться, что даже фантастическое сочинение опального автора было изуродовано цензурой. Из повести выдрали даже целиком две главы, заменив зияющие провалы отточиями. Можно не сомневаться, что выдирали описания политического, общественного устройства марсианского мира. Устройства, за неупоминания о коем В. Ревич опять-таки попенял Инфантьеву: обошел-де стороною автор важный вопрос, в

результате чего появилась «одна из первых, хотя еще и очень примитивных попыток описать неземное сообщество».

Однако так ли уже примитивно творение Инфантьева? Уверен, что непредубежденный читатель сразу подметит провидческий дар писателя. Разве нет в повести прообразов телевидения, солнечных батарей, роботов в домашнем быту, даже, если угодно, голографии? А электрические пилы. А электролиты. А погружение живых организмов в низкотемпературную среду для замедления, а то и выключения на определенный срок биологических процессов (напомним, ныне на Западе уже несколько тысяч пациентов дали себя заморозить в жидком гелии, дабы «проснуться» через сто, предположим, лет). А размышления Инфантьева о красоте, о школьном воспитании — разве не чувствуется здесь связь с некоторыми страницами «Гуманности Андромеды» Ефремова? А дивные картины марсианской природы, прежде всего океана, позволяющие назвать повесть, допустим, экологической утопией. А главная идея повести — обмен разумов — которая через много-много лет будет использована в произведениях Фредерика Пола, Роберта Шекли, Владимира Тендрякова (кстати, в нашем выпуске «Румбов фантастики» она легла в основу «Сейвера» Игоря Пидоренко).

Впрочем, не будем всего перечислять. Ясно одно: повесть «На другой планете» начинает вторую жизнь, как бы побывав в насильственном анабиозе. И судить о ее эстетической ценности сможет теперь не только скептик, поднаторевший в ниспровержении ценностей нашей отечественной фантастики, но каждый читатель.

Порфирий Инфантьев

На другой планете

Повесть из жизни обитателей Марса

Вместо предисловия

Эта книга находилась уже в печати, когда в «Новом времени» появилось сообщение, перепечатанное потом очень многими другими газетами, следующего содержания:

«Если верить сообщению г. Вольфрида Фонвьеля в газете «Matin», событием дня в астрономическом мире являются сигналы с Марса. Они были наблюдаемы 8-го декабря мист. Дугласом, заведующим обсерваторией Флагстафа в штате Оризона. Об этом сообщено центральному астрономическому бюро в Киле директором Гарвардского университета, а бюро со своей стороны протелеграфировало это известие всем обсерваториям мира; парижская обсерватория сообщила известие во всеобщее сведение; несколько дней спустя оно было опубликовано в лондонской «Nature» и в «Astronomische Nachrichten».

Астрономы в последние годы все более и более проникались убеждением, что Марс населен, и что население его, по-видимому, обладает цивилизацией высшего порядка. Вся планета изрезана системой каналов, далеко оставляющих за собой гигантские гидравлические сооружения древних монголов, китайских императоров и египетских царей. Поверхность Марса покрыта темными пятнами, в которых наблюдатели видят внутренние моря. Одно из таких морей, расположенное поблизости первого меридиана, равное по площади поверхности Франции, названо морем Икарии.

Наблюдая это море, мистер Дуглас был поражен следующим странным фактом: он внезапно заметил серию блестящих огней, расположенных по прямой линии, тянувшейся на несколько сот километров. Эти гигантские огни горели в течение часа и десяти минут и затем исчезли столь же внезапно, как внезапно и появились. Это расположение огней на прямой линии как бы указывает на волевое, разумное действие, а одновременность возникновения и исчезновения их подтверждает это предположение. За планетой зорко наблюдают астрономы, и всякое повторение этих сигналов не ускользает от их внимания. Они имеют два месяца для наблюдения, так как 22-го февраля Марс вступает в положение, препятствующее наблюдениям».

В дополнение к этому сообщению «Новое время» на днях добавило следующие строки:

«Ввиду возникших в печати и обществе сомнений относительно достоверности сенсационной астрономической телеграммы о сигналах с Марса, мы навели по этому предмету справки в астрономической обсерватории Петербургского университета, директор которой проф. С. П. Глазенап сообщил нам содержание этой циркулярной депеши, заключающей в себе следующее известие из Кембриджа (в Массачусетсе) от 8-го декабря (25-го ноября):

«Дуглас из Лоуэлльской обсерватории телеграфирует: «Прошлою ночью световой знак в северном углу моря Икариум держался в течение семидесяти минут. Пикеринг». Эту- телеграмму Пикеринга, директора центральной американской обсерватории в Кембридже, бюро астрономических депеш в Киле передало 26-го ноября (9 декабря) циркулярно всем европейским обсерваториям, в том числе Пулковской, которая известила русские университетские обсерватории. Такая же циркулярная депеша, подобно всем депешам кильского бюро, была напечатана полностью в одном из последних номеров специального международного астрономического журнала «Astronomische Nachrichten».

Сообщение это является для меня как нельзя более кстати. Прежде чем решиться опубликовать свое приключение, бывшее со мною когда-то в горах Монблана, я долго, ввиду его необычайности, колебался — стоит ли это делать? Поверит ли кто-нибудь в возможность того, что я буду описывать? И не поднимут ли меня на смех? Но теперь, когда во всем образованном мире так настойчиво заговорили о разумных существах на Марсе, подающих нам на Землю сигналы, я с более легким сердцем выпускаю в свет свою книгу.

*Гор. Новгород
17-го декабря 1900 г.*

Автор

I

В июле 1887 года, будучи студентом, я предпринял вместе с одним моим приятелем путешествие пешком по Швейцарии.

Отправившись из Женевы вдоль берега Женевского озера, мы вступили в Ронскую долину и по Симплонскому ущелью перевалили в долину Шамуни, откуда намеревались, поднявшись на ледник Mez de Glace, перейти Монбланские высоты и спуститься в Италию. Дорога эта трудна и опасна, так что туристы, не знающие хорошо путь через Монблан, обязательно берут с собою проводников с лестницами, веревками, дровами и провизией, потому

что приходится иногда пролагать себе дорогу в ледниках, переползать по лестницам через зияющие расселины и пропасти, ночевать под открытым небом и т. п. Но в то время мы оба с товарищем были молоды и неопытны. Мы не расспросили даже как следует ни о предстоящих опасностях, ни о препятствиях, могущих встретиться на пути. Мы рассуждали, что если другие ходят по этой дороге, то почему же и нам по ней не пройти? Брать проводников мы считали излишним, да, к тому же, мы и не были настолько богаты, чтобы позволить себе это. Как истинно русские люди, мы рассчитывали в этом случае на «авось».

Однако, очутившись в царстве вечных снегов, среди совершенно голых, диких скал, не видя нигде даже и признаков какой-нибудь тропинки или следа, мы скоро поняли, что поступили немного опрометчиво. Куда идти? Какого направления держаться? Везде серые скалы, снег, ледники, пропасти, стремнины... Чтобы не терять направления, можно было руководиться, конечно, компасом; но такой руководитель в этих местах далеко не достаточен. Мы могли проблуждать очень долго и все-таки не попасть, куда следует; между тем провизии у нас с собою было всего дня на два, а наша одежда была слишком легка для той температуры, которая была на этой высоте. Возвратиться, — значит, сознаться в своем легкомыслии... Нет, лучше вперед, что бы там ни было! Авось, как-нибудь, куда-нибудь да и выберемся!

И вот, огибая одну скалу за другой, одну за другой обходя пропасти, мы, наконец, совершенно заплутались и потеряли даже и ту дорогу, по которой пришли. Положение наше сделалось очень щекотливым. Между тем наступила ночь, и стало слишком свежо. С большим трудом набрали мы из жидких кустиков и сухой травы в ложбинах кое-какого материала для огня и развели маленький костер. С нами была дорожная спиртовая лампа, мы сварили чай, зажарили мяса, поужинали и кое-как скоротали ночь. На утро опять в путь, и опять наугад. Мы рады были бы теперь уже и обратно возвратиться, но и обратную дорогу оказывалось отыскать было невозможно.

Нам приходилось иногда ползти и карабкаться по довольно опасным крутизнам, но делать было нечего, нужно было, во что бы то ни стало, поскорее выбраться из этого лабиринта камней, утесов и ледников. Прогногнув прошлую ночь, мы не хотели рисковать провести еще другую, такую же мучительно-холодную.

Наконец, окончательно потеряв голову и не зная, где находимся, мы решили взобраться на одну встретившуюся нам снежную вершину, чтобы взглянуть оттуда на долины внизу, ориентироваться и высмотреть удобный спуск.

Сказано — сделано. Опираясь на свои альпенштоки, мы стали карабкаться наверх, ежеминутно рискуя соскользнуть с затвердевшей снежной коры и скатиться вниз. Я карабкаюсь впереди, мой товарищ за мной. Еще одно усилие — и вот я, наконец, на вершине, на самом гребне горы; но вдруг — трах!.. Ледяная кора подо мной проваливается, и я стремглав лечу вниз, в бездну, оказавшуюся на противоположном скате и скрытую от меня снежным гребнем, нависшим над нею; ударяюсь обо что-то и теряю сознание...

Когда я очнулся, то увидел, что лежу в груди мелкого мокрого снега, полузасыпанный; мое лицо лизала огромная сенбернардская собака, а подле меня суетились какие-то два человека, один из которых старался выпростать мне ноги из-под засыпавшего меня снега, а другой укладывал подле носилки, намереваясь положить меня на них.

— Эге, наконец-то вы очнулись! — сказал по-французски один из незнакомцев, высокий, бодрый старик в очках.

Испытывая страшную слабость, я попытался было подняться на ноги, но тотчас же почувствовал головокружение и снова впал в бессознательное состояние.

Долго ли я пробыл в таком положении — не знаю; помню только, что все время мне чудилось, будто где-то вблизи меня играет огромный оркестр, и я испытываю невыразимо-приятное наслаждение от этой музыки.

Когда я снова открыл глаза, то увидел, что нахожусь уже в комнате, на чистой постели, раздетый, в одном белье. На кресле возле меня сидел тот же самый господин в очках, которого я видел во время своего первого пробуждения. Он внимательно наблюдал за мной, и лишь только заметил, что я раскрыл глаза, как, с доброй улыбкой обратившись ко мне, проговорил:

— Пора, молодой человек! Давно пора! Правда, вы сделали довольно-таки рискованный воздушный полет, но, кажется, у вас никаких серьезных повреждений нет; ваш обморок происходит единственно от сильного потрясения, которое вы испытали. Надеюсь, что это не будет иметь серьезных последствий.

Я попробовал опять привстать на постели.

— Те-те-те! — остановил меня мой собеседник. — Не торопитесь! Ради бога, не торопитесь! Вам нужно совершенно успокоиться, привести свои чувства и нервы в порядок, — иначе у вас может опять повториться прилив крови. Пока я вам совершенно запрещаю вставать с постели. Вот выпейте-ка лучше вина, — это вас подкрепит, а затем попробуйте заснуть.

И он налил из стоявшей на столе бутылки стакан красного вина.

— Да, остаться совершенно невредимым после полуторастасаженого сальто-мортале — почти невероятная вещь, — продолжал словоохотливый незнакомец, — но, однако же, к счастью, вы отделались дешево, — с чем вас и поздравляю!

— Я уверен, что, не будь вас, я не отделался бы так счастливо, — заметил я.

— О, помилуйте! Я тут почти ни при чем. Случаю было угодно, чтобы в тот самый момент, когда вы карабкались на вершину этой злополучной горы, я находился в своей обсерватории. Я астроном, у меня здесь, на верху этой комнаты, своя обсерватория, — пояснил он. — И вот, смотрю я в трубу, карабкается человек, и вижу, что ему несдобровать, так как карабкается он почти на верную погибель, а предупредить об опасности нет возможности. У меня сердце разрывается от боли... и вдруг — трах!. Ну, думаю, кончено!

Погиб человек! Кричу своего Жозефа — слугу, беру собаку, захватываем носилки, чтобы хотя труп ваш извлечь из-под обвала, и каково же было наше изумление и радость, когда вы оказались жив и даже невредим!..

— Но мой товарищ?! Скажите, ради бога, что случилось с моим товарищем? Раз вы видели меня, вы не могли, конечно, не заметить и его! — с беспокойством вскричал я, вспомнив о своем спутнике.

— Успокойтесь! Ваш товарищ также цел и невредим. Когда вы провалились вместе с предательским снежным гребнем горы, до которого, к счастью, не успел еще добраться ваш товарищ, ему ничего более не оставалось, как спуститься обратно. Когда мы доставили вас сюда, я хотел отправить Жозефа привести сюда же и вашего спутника, но оказалось, что он встретился с какими-то туристами и, разумеется, теперь уже без нашей помощи разыщет дорогу. Может быть, будет беспокоиться о вашей участи; вероятно, предпримет розыски, но не беда. Послезавтра Жозеф пойдет в Шамуни за провизией и вас, кстати, туда проводит; а пока — вы наш гость, и вам необходимо отдохнуть и как следует собраться с силами.

— Позвольте мне узнать, милостливый государь, — сказал я, — с кем я имею честь беседовать и чьим столь радушным гостеприимством пользуюсь?

— Зовут меня Франсуа Роша, доктор философии, — ответил старик.

В свою очередь я назвал себя, и мы крепко пожали друг другу руки.

После второго стакана вина, любезно предложенного мне доктором, меня стала одолевать сильная дремота, глаза мои начали слипаться, и я сам не помню, как заснул, между тем как мой деликатный хозяин тихо и незаметно вышел из комнаты, оставив меня одного.

Спал я, кажется, довольно долго, потому что когда пробудился, то день клонился уже к вечеру. В комнате, кроме меня, никого не было. Я поднялся с постели, бодрый и совсем не чувствуя никакой боли, кроме разве усиленного сосания под ложечкой, так как в этот день с самого утра решительно ничего не ел.

Комната, в которой я находился, была, по-видимому, кабинетом доктора. Против одного из окон стоял большой письменный стол, весь заваленный книгами и рукописями. У одной из стен находился огромный стеклянный шкаф, также наполненный сверху и донизу рукописными тетрадями. В углу стоял умывальный столик, на нем таз и кувшин с чистой водой.

Узенькая витая лестница вела наверх, в обсерваторию. Я умылся, оделся и вышел в соседнюю комнату, в надежде найти моих хозяев; но ни в этой комнате, ни в кухне никого не оказалось. Я посмотрел в окно, но и поблизости жилища никого не было. Тогда, возвратившись в кабинет доктора, я поднялся по винтовой лестнице в обсерваторию, рассчитывая застать его там, но и там его не оказалось.

Я глянул с вышки на расстилающуюся передо мною панораму и замер от удивления и восторга. Трудно вообразить более величественное и живописное зрелище, представившееся моим глазам! Солнце, близкое уже к закату, обливало своими золотыми лучами всю эту картину красивым, розовато-пурпурным светом и придавало ей меланхолически-задумчивый оттенок. <...>

Насладившись, наконец, созерцанием чудного вида, от которого невозможно было оторвать глаз, я стал в деталях рассматривать место, на котором была построена обсерватория. Оказалось, что место для нее было выбрано так, что она была совершенно скрыта от глаз любопытных и докучливых туристов, — этим только и можно было объяснить, что об ее существовании никому и ничего не было известно. Во-первых, она была устроена на одной из второстепенных вершин Монблана, и притом на такой из них, которые менее всего по своему внешнему виду служат приманкой для подъема на них туристов; а во-вторых, самое здание, на котором находилась вышка для наблюдений, стояло в небольшой ложбинке, образовавшейся на этой вершине, и снизу было совершенно скрыто от глаз посторонних наблюдателей, к тому же, оно было выкрашено белой краской, так что среди

окружавших снегов никому не бросалось в глаза даже и на близком расстоянии. И только самая обсерватория, т. е. вышка со стеклянной крышей, возвышалась над общим уровнем верхней площадки горы, но таким образом, что с нее можно было прекрасно обозревать все окрестности, не говоря уже о безбрежном небе, между тем как ее можно было заметить снизу только разве в сильную подзорную трубу, да и то заранее зная о месте ее нахождения. Та сторона, с которой ее легче всего можно было бы видеть, ограничивалась зияющей пропастью, а противолежащие горы были совершенно недоступны для подъемов, и таким образом прикрывали ее.

Осмотрев местоположение обсерватории, я стал рассматривать ее внутренность.

Внутри она ничем особенным не отличалась от других, известных мне, обсерваторий: те же инструменты, такие же приборы. Только рядом с главной астрономической трубой стояла другая труба, очень небольшого диаметра, но гораздо длиннее первой; внешний конец ее выходил наружу, за стеклянную крышу обсерватории, а внутренний был закрыт крышкой, завинчивающейся, как у обыкновенной трубы.

Желая посмотреть в эту трубу, я отвинтил крышку, но только что хотел подставить к отверстию глаз, как вдруг услышал подле себя чей-то совершенно незнакомый голос, явственно проговоривший по-русски:

— Здравствуйте! Ну, как вы себя чувствуете после своего воздушного прыжка?

Я с изумлением оглянулся кругом, но, кроме меня, в обсерватории решительно никого не было.

«Что это? Уж не галлюцинация ли?» — невольно подумал я.

— Вы, кажется, изумлены, не видя того, кто с вами говорит? — продолжал тот же голос.

— Признаюсь — да, и даже очень! — ответил я.

— Немудрено, — продолжал таинственный собеседник, — и вы еще более изумитесь, если я вам скажу, что с вами разговаривает обитатель

совершенно иного мира: я житель планеты Марс и нахожусь от вас, по меньшей мере, на расстоянии 70 миллионов верст.

— Вы, конечно, шутить изволите, — возразил я, — тем не менее, я поставлен в тупик и решительно не могу понять, где вы и с кем я имею честь беседовать?

— Но я совсем не шучу; уверяю вас, что я нахожусь на Марсе.

Мне было и смешно и досадно, что со мной так фамильярно, ни с того ни с сего, начинает шутить какой-то совершенно не знакомый мне человек.

— Однако, господин обитатель надзвездного мира, — заговорил я, принимая также шутливый тон и под ним стараясь скрыть свое раздражение, — прежде чем попасть на Марс, вы, вероятно, первоначально жили долгое время в России, так как владеете русским языком в совершенстве.

— Ничуть не бывало; но из нас здесь многие знают все ваши земные языки и наречия. Не трудитесь меня отыскивать, — добавил он, очевидно, видя, что я заглядываю во все углы обсерватории, теряясь в догадках, где скрывается мой таинственный собеседник. — Я говорю с вами посредством той трубы, крышку которой вы только что отвинтили. Это изобретение доктора Роша, вашего хозяина. Если вы снова закроете трубу, ни вы, ни я не будем иметь возможности слышать друг друга.

Я невольно обратил внимание на трубу, и каково же было мое изумление, когда я убедился, что голос говорившего со мною выходил действительно из этой трубы, наружный конец которой был обращен по тому направлению, где должна была находиться планета Марс. Труба была настолько узка, — не более полутора вершков в диаметре, — что уже никоим образом нельзя было предположить, чтобы разговаривавший со мною мог запрятаться в нее; на крыше обсерватории его также не могло быть, потому что крыша была стеклянная и через нее было все видно.

«Что за дьявольщина! — подумал я, чувствуя себя в совершенно дурацком положении, как мальчишка, с которым вздумала пошутить ловко

спрятанная нянька. — Этот доктор просто волшебник, раз у него в доме приходится разговаривать с какими-то невидимыми личностями».

Из любопытства я подставил глаз к трубе, но там было непроницаемо темно, так что решительно ничего нельзя было разобрать.

— О, через эту трубу вы ничего не увидите, ее назначение состоит в том, чтобы слушать. Да уверяю же вас честным словом, что я говорю сущую правду, — сказал мой невидимый собеседник, опять-таки, очевидно, следивший за всеми моими движениями.

— Но вы-то каким образом меня видите? — совершенно растерявшийся и сконфуженный, вскричал я.

— Я вижу вас в телескоп, но таких телескопов у вас на земле ещё нет, — ответил называвший себя обитателем Марса.

— Странно! изумительно! невероятно! — пробормотал я. — И однако же, если только я не нахожусь в бреде после своего падения, сознаюсь откровенно, что я близок к тому, чтобы поверить, что действительно имею честь разговаривать если и не с неземным, то, во всяком случае, с невидимым существом.

— Да что же здесь невероятного? — возразил загадочный голос. — Ведь, надеюсь, не будете вы отрицать возможности устройства и у вас на Земле таких астрономических труб, посредством которых можно будет приблизить к себе и нашу планету на такое расстояние, что сделается возможным видеть не ней все мелочи, как мы теперь видим на вашей Земле. В этой идее, я полагаю, нет ничего невозможного; почему же вы не допускаете мысли, что можно устроить также и такой инструмент, при помощи которого можно слышать все, что говорят на других планетах? Давно ли для вас казалось невозможным переговариваться на большом расстоянии, а вот же теперь у вас существуют телефоны и уже никого не удивляют. Господин Роша, изобретатель этой трубы, несколько опередил других ваших изобретателей — вот и все. Да вот, кстати, он и сам идет; вероятно, он вам сообщит подробнее о своем изобретении.

II

Действительно, в это время раздались шаги по винтовой лестнице. Я обернулся и на пороге увидел входившего Роша.

— Добрый вечер, любезный доктор! Сознайтесь, что это вы сейчас меня мистифицировали? — сказал я, идя к нему навстречу и все еще будучи далек от мысли поверить в то, что я тут только что слышал: так все это было невероятно.

Заметив в моих руках крышку от разговорной трубы, доктор недовольно нахмурил брови, и только тут на его лице я ясно прочел, что со мною совсем не шутили.

— О, доктор! Ради бога, извините! — спохватился я, закрывая трубу и поняв, наконец, что изобретение это было тайною доктора. Я почувствовал себя в положении человека, уличенного в подслушивании или подглядывании чужих секретов.

— Мог ли я предполагать, зайдя сюда, — стал я оправдываться, — что сделаюсь невольным свидетелем и очевидцем вашего великого открытия, которое вы, по известным вам соображениям, не хотите предавать гласности? Но клянусь вам, что ваша тайна умрет вместе со мною!

Должно быть заметив на моем лице искреннее страдание от сознания своей невольной нескромности, доктор тотчас же подавил свою досаду, улыбнулся и мягко заговорил:

— Успокойтесь, молодой человек! Вы тут ровно ни в чем не повинны. Если здесь и можно кого-либо обвинять, то уж, разумеется, прежде всего меня самого. Много лет берег я, как зеницу ока, от всего мира свой секрет, и вдруг оказался настолько неосмотрительным, что оставил вас, совершенно не знакомого мне человека, один на один со своим открытием!

От этих слов доктора я сконфузился дотого, что у меня слезы выступили на глазах.

— Успокойтесь! — повторил он снова, видя мое мучительное смущение. — Раз вы узнали об этой тайне, значит, так и должно быть. Я на

этот счет немножко фаталист. В мире ничто не совершается без причин и без цели, хотя в большинстве случаев мы и не замечаем разумности и целесообразности совершающегося с нами и вокруг нас. И я, старый дурак, очень сожалею, что невольно поддался врожденному в каждом из нас самомнению, будто мы что-то значим со своей волею и своим разумом, позабыв про то, что все мы только слепое орудие чьей-то чужой воли, руководящей всеми нашими поступками и действиями. Извините же меня, ради бога, за мою старческую строптивость!

И он протянул мне, в знак примирения, руку.

С сердечным порывом схватил я и пожал руку этого удивительного человека, извинявшегося перед тем, кто ему же причинил неприятность; я не находил слов, чтобы выразить ему чувство того глубочайшего почтения и уважения, которым я к нему проникся.

—, Однако соловья баснями не кормят! Ведь вы сегодня целый день еще ничего не ели. Идемте ужинать! — весело добавил он, взяв меня за плечо и тихонько поворачивая к выходу.

Мы спустились вниз, в кухню, где Жозеф, такой же старый, как и его хозяин, давно уже с нетерпением поджидал нас, боясь, чтобы не подгорело жарившееся жаркое.

За ужином у доктора прошла всякая тень неудовольствия, и он дотого повеселел и разошелся, что даже рассказал мне свою биографию, а равно и историю своего великого изобретения.

Господин Роша, швейцарец по происхождению, был когда-то очень богатый человек, но потом он все свое богатство употребил на устройство обсерватории, стоившей много денег, так как все материалы для необходимых построек должны были носить на эту высоту проводники на себе.

По окончании университетского курса Роша, с малых лет чувствовавший особенное влечение к изучению небесных светил и к наблюдениям над ними, отправился в Париж. Там он много лет работал в

качестве ассистента у одного знаменитого астронома. Проводя очень много времени в обсерватории над наблюдениями небесных светил, Роша, как впоследствии Фламарион, пришел к заключению, что некоторые из планет населены такими же разумными существами, как и люди на Земле. В особенности его интересовала планета Марс, и он скоро убедился, что обитатели этой планеты не только существа разумные, но что они даже выше нас в умственном отношении, что они подают нам на землю сигналы, желая вступить в переговоры.

— Я часто замечал, — рассказывал Роша, — какие-то световые, огненные фигуры на Марсе, которые изменяли свою форму. То я видел огненный кружок, то крест, то квадрат, иногда круг в квадрате, иногда квадрат в круге и т. д. Наблюдая постоянно это странное явление, я заметил, что число таких огненных знаков ограничено, и часто одни и те же фигуры повторяются. Я попробовал пересчитать все эти разнообразные фигуры, их оказалось 26 — ровно столько, сколько букв в нашем алфавите. Это навело меня на мысль, что, возможно, и у обитателей Марса алфавит не богаче нашего. Но если они хотят вести переговоры с нами на своем языке, то каким же образом они, столь умные и развитые, — если сумели найти способ подавать нам световые сигналы, — каким же образом они могут предполагать, что мы должны непременно знать их язык? Долго я ломал себе над этим голову, как стал замечать, что всякий раз, лишь только начинают появляться на Марсе световые фигуры, — а они появлялись всегда в определенное время, — эти фигуры постоянно начинаются пятью неизменными, изо дня в день повторяющимися, и оканчиваются четырьмя также неизменными, хотя и неодинаковыми с первыми. Промежуток же между этими постоянными заполнялся уже разнообразными перемежающимися фигурами.

Не могу себе объяснить, как это случилось, но только, отчаявшись, наконец, узнать когда-либо язык обитателей Марса, я попробовал разобрать шифр, применяясь к французскому языку. Что могло обозначать начальное

слово? Беря за образец отправку обыкновенных телеграфных депеш, это слово, всего вероятнее, должно было обозначать адрес, куда идет депеша, — пункт назначения, т. е. в данном случае Terre. Что могло обозначать конечное? Скорее всего, пункт отправления, т. е. Mars. По световым фигурам выходило, что букве *t* соответствовал квадрат; букве *e* — круг с крестом внутри; букве *r* — шар; второму *r* — опять шар; и, наконец, последней букве *e* — снова круг с крестом внутри, как и первому *e*. Вы не можете себе представить того волнения, которое меня охватило от этого странного совпадения двух одинаковых знаков, соответствовавших двум одинаковым буквам. Но, может быть, это была просто-напросто случайность? Я стал разбирать конечное слово, долженствовавшее, по моему предположению, обозначать Mars. Букве *t* соответствовал крест; букве *a* — круг; букве *r* — шар, заметьте — шар, как и в слове terre; и букве *s* — круг с точкой внутри. «Для начала недурно», — подумал я. Но ведь если шифр был разобран верно, то необходимо было допустить, что обитатели Марса говорят по-французски, а это мне казалось абсурдом. Однако, допустив, что шифр был разобран действительно верно, я имел уже, таким образом, расшифрованными целых шесть букв, а с таким запасом уже нетрудно, конечно, расшифровать и остальной алфавит. И вот, все еще будучи далек от уверенности, что я нахожусь на истинном пути, и все еще приписывая эти странные совпадения в буквах и соответствующих им знаках случайности, я начал расшифрованные буквы вставлять соответственно тем световым фигурам, которые находились между предполагаемыми мною словами Terre и Mars, и, после непродолжительных усилий, к своему неописуемому удивлению, почти ужасу, разобрал следующее:

Вы прочли верно, господин Роша!

Следите далее! Да здравствует разум!

И это было по-французски, и это обращение ни к кому иному, а прямо ко мне, Франсуа Роша!..

Ах, молодой человек! Проживи я на свете еще тысячу лет, я никогда не забуду того счастья, того неземного восторга, которые я испытал в те минуты! Меня душили слезы, я плакал, как малый ребенок, от радости! Мне казалось, что весь мир для меня переродился, показался мне в каком-то новом освещении!.. Нет, вы представьте только себе, что не по одним лишь логическим умозаключениям и догадкам прийти к выводу, а прямо своими чувствами убедиться, что весь этот необъятный мир, который мы видим вокруг себя и над собой, все эти бесконечно удаленные от нас, неисчислимы небесные тела, или, по крайней мере, многие из них, населены такими, же разумными и мыслящими существами; .ми, как и мы с вами; даже, может быть, существами гораздо более нас развитыми и умными, которые в то же время интересуются нами и стараются вступить с нами в сношения для взаимного обмена мыслей, словом — почувствовать, что вся вселенная кишит разумом, и ты сам составляешь крупинку этого всемирного, необъятного разума; представьте, говорю, все это и скажите — возможно ли передать словами то блаженное состояние, которое должно охватить вас от этого сознания?!.. О, я не сомневаюсь, что разум так же неуничтожим и вечен, как вечна и неуничтожима материя, в которой он проявляется, и мы, мыслящие живые существа, представляем из себя только видимую материальную форму, сосуд, в котором заключена частичка, искорка этого бессмертного разума, и эта искорка, после разрушения нашего бренного тела, не умрет, не уничтожится, не пропадет бесследно, а примет только иную, может быть, высшую форму, как не уничтожится материя, из которой состоит наше тело, а только превратится в свои первоначальные элементы! <...>

— Но как же, неужели обитатели Марса говорят по-французски? — спросил я после некоторой паузы, наступившей вслед за воодушевленным монологом Роша.

— Не только по-французски, но и по-русски, как вы сами изволили убедиться из вашего разговора через трубу. Разумеется, для обыденных сношений между собой у них есть свой язык. Но при помощи акустических

труб, вроде той, что вы видели у меня в обсерватории, и при посредстве своих усовершенствованных телескопов они имеют возможность видеть и слышать до мельчайших подробностей все, что происходит у нас на Земле, а видя нас и слыша, уже нетрудно понять и изучить наши земные языки. Если же принять во внимание, что у обитателей Марса нет тех насущных забот о завтрашнем дне и о куске хлеба, которые убивают почти все наше время, то им и не остается ничего более, как только предаваться умственным занятиям, а между прочим, и изучению языков обитателей других планет.

— Вы мне рассказываете просто какие-то чудеса в решете!— воскликнул я, разводя в недоумении руками — Но скажите, как вы-то додумались до устройства этой изумительной акустической трубы?

— Додумался до этого не я, а они же научили меня, как ее устроить. Когда я раскрыл шифр таинственных световых знаков и научился по ним читать, я хотел сообщить о своем открытии нашим ученым, но обитатели Марса предупредили меня, чтобы я пока этого не делал. так как, по их каким-то, не известным мне соображениям, пора для этого еще не настала. Вот поэтому-то я и держал свое открытие в секрете, да и вас прошу никому ничего не говорить о нем. Впрочем, если я не доживу до той поры, когда обитатели Марса разрешат мне опубликовать его, ну, тогда можете делать, как знаете.

— О, в моей скромности можете не сомневаться, — сказал я. — И будем надеяться, что мне не придется первому воспользоваться вашим разрешением:

— Ну, кто знает? — со вздохом заметил Роша. — Будущее никому неизвестно; да это и к лучшему, иначе и жить было бы не так любопытно. Впрочем, оставим эти печальные мысли. Итак, — продолжал он свой рассказ, — когда я начал свободно читать то, что мне передавали с Марса, по совету своих новых друзей из другого мира и по их указаниям, я построил здесь, на Монблане, свою собственную обсерваторию, в которой вот уже около десяти лет продолжаю жить, работать и наблюдать. Что касается до акустической

трубы, так вас поразившей, то она устроена, как я уже сказал, по указаниям, данным мне также-с планеты Марс. <...>

III

Предоставляю судить самому читателю, с каким вниманием и удивлением слушал я своего хозяина, стараясь не проронить ни единого слова из того, что он мне рассказывал. Не будь этой изумительной трубы, через которую я сам только что разговаривал с обитателем планеты Марс, я ни за что не поверил бы словам доктора и, если бы не принял его за помешанного, то, наверное, подумал бы, что он шутит. Но доказательство было налицо, и нельзя было не верить очевидности.

— Воображаю, — сказал я, — сколько новых истин, сколько новых сведений почерпнули вы; беседа с обитателями неведомого нам мира!

— Да, — сказал Роша, — у них есть чему поучиться. Но из одних бесед, я, конечно, никогда не составил бы себе такого ясного понятия о природе Марса и жизни его обитателей, какое имею теперь, побывав сам несколько раз на этой планете.

— Побывав сам на этой планете? — повторил я, думая, что ослышался.

— Да, побывав сам довольно значительное число раз в гостях у марсиан, — повторил Роша совершенно невозмутимо.

Признаюсь, я широко раскрыл глаза от изумления, услышав это неожиданное заявление. «Ну, разумеется, он помешан, бедный старик! — мелькнуло у меня в голове. — Конечно, он сделал великое открытие, но, не делясь этим открытием ни с кем в продолжение многих лет, он начал галлюцинировать, и ему стало казаться, что он не только разговаривает с обитателями Марса, но даже ездит к ним в гости». <...>

Наступило неловкое молчание.

— То есть вы хотите сказать, что бывали там на крыльях вашей фантазии? — нашелся я, наконец, в самом деле подумав, не выражается ли он метафорически.

— На каких там крыльях фантазии? Я действительно бываю иногда на Марсе, — вполне серьезно ответил он.

После такого категорического заявления я уже окончательно смутился и, потупившись, замолчал. Роша вдруг расхохотался, и видя, что я на него смотрю с беспокойством, почти со страхом, он расхохотался еще более.

— Ха, ха, ха! Да вы, батенька мой, я вижу, не только мне не верите, но принимаете меня за помешанного! Сознавайтесь, ведь это верно? Я угадал? — обратился он вдруг ко мне.

— Простите, но я думаю, что вы меня просто мистифицируете, — ответил я.

— Не думал мистифицировать, молодой человек! Совсем не думал. Впрочем, для меня вполне понятно ваше недоверие; я совершенно выпустил из виду, что то, что для меня теперь уже кажется вполне естественным и к чему я давно привык, для вас, с первого раза, должно казаться невероятным и невозможным. Но, уж если на то пошло, так и быть, я открою вам все свои тайны; даже более, если вы только пожелаете, я могу устроить и вам путешествие на Марс: авось, вы тогда отбросите свой скептицизм. <..->

— Это любопытно! — рассмеялся я. — В каком же экипаже вы могли бы меня туда доставить?

— А вот угадайте! — улыбнулся Роша.

Этот, не то серьезный, не то шуточный тон, а в особенности необычайная разговорная труба наверху совершенно сбили меня с толку, и я положительно не знал, что и думать о словах Роша. Да неужели же это не шутка? Неужели в самом деле он нашел средство путешествовать на Марсе? Что за чепуха! Это немислимо! Планета Марс отстоит от Земли в самое благоприятное для наблюдений над нею время на расстоянии 52-х миллионов верст. Чтобы перенестись через это пространство даже со скоростью пушечного ядра, и то потребовалось бы употребить годы.

Не утилизировал ли он как-нибудь силу света, не путешествует ли туда, подобно какому-нибудь жюльверновскому герою, на солнечном луче?

Но это уж совсем неправдоподобно. Да если даже допустить, как это ни невероятно, что, пользуясь советами марсиан, он действительно нашел средство бывать на Марсе, то ведь атмосфера этой планеты совсем не похожа на нашу земную, и, следовательно, земные существа не могут в ней жить. Что за чудеса! Или он действительно сумасшедший, или он дурачит меня!.. И, однако же, он с такой уверенностью утверждает, что может даже и мне доставить случай побывать на этой планете... Ну, конечно, он шутит! — решил я.

— А между тем невозможного тут решительно ничего нет, — заговорил Роша, как бы угадывая направление моих мыслей.— Все так естественно и просто. И если я расскажу вам, в чем дело, то вы и сами убедитесь, что побывать на Марсе вовсе уж не так несбыточно, как это кажется.

— Однако...

— Вы, конечно, имеете понятие о гипнозе? — перебил . он меня.

— Да, кое-что слышал,

— Явления гипноза у нас стали изучать только в самое недавнее время, и наука об этом интересном предмете еще мало разработана. Между тем обитатели Марса уже давно изучили это явление в деталях и сумели его утилизировать для различных практических целей. Вот при помощи-то этого гипнотического внушения я и имею возможность бывать на Марсе.

— Ах, вот оно что! — вскричал я. — Теперь я понимаю! Так, значит, вы бываете там не телесно, а только, так сказать, духовными очами созерцаете их мир? То есть, в сущности, при помощи той же фантазии?

— Ну, не совсем так, — возразил Роша. — Правда, тело мое остается здесь, на Земле, но мое внутреннее сознание, то, что составляет мое «я», всецело переселяется на планету Марс, и притом не в виде чего-то неосязаемого, невещественного, — иначе я не мог бы познавать вещественную природу Марса, — а мое «я» переселяется в вещественную форму, в тело кого-нибудь из обитателей этой планеты.

Я снова широко раскрыл глаза.

— Вам кажется это невероятным? — спросил Роша, видя мое изумление.

— Откровенно сознаюсь — да.

— Видите ли, в чем дело: изучение в области гипноза дало обитателям Марса возможность делать то, что, усыпляя двух каких-либо субъектов, они заставляют их, при помощи внушения, поменяться на время своими «я», и это делается так же легко, как мы меняемся, например, иногда своей одеждой.

— Но, помилуйте! Неужели же это мыслимо! — воскликнул я.

— Оказывается, что не только мыслимо, но нет ничего проще. Наша наука пока констатировала только, что загипнотизированному можно, по произволу, внушать какие угодно идеи: обыкновенному мирному гражданину можно внушить, например, что он — солдат, действующий на войне, и он тотчас же примет военную осанку и будет воображать себя на театре военных действий; внушите храброму, что он трус и что ему угрожает опасность, и лицо его исказится от страха, и он будет унижаться и пресмыкаться; трусу внушите, что он храбрец и герой, — и он сейчас же примет горделивую позу и станет вести себя с видом, полным достоинства; словом, из загипнотизированного можно делать все, что угодно. Замечено также, что при некоторых болезнях воли одно и то же лицо может жить иногда двойной жизнью; в один период оно сознает себя одним человеком, наступает другой — и это лицо совершенно позабывает о своем прежнем «я» и начинает жить, как совершенно новый человек, ничего общего не имевший с прежним, пока опять не наступит время и больной не позабудет свое второе «я» и не начнет жить жизнью своего первого «я»; причем, за исключением этой забывчивости о предыдущем периоде своей жизни, все умственные способности у таких субъектов работают, по-видимому, вполне нормально. Вы, конечно, слышали о подобных явлениях?

— Положим, слышал, — сказал я. — Но, все-таки, отсюда до переселения души из одного человека в другого еще очень далеко.

— Далеко кажется только потому, что мы не исследовали, как должно, душевные явления и для нас много в них загадочного и непонятного. А между тем человечество давно уже имеет с ними дело, и вера индусов в переселение душ уж вовсе не так бессмысленна, как это нам кажется, — она имеет много реальных оснований... Впрочем, зачем нам углубляться в эти рассуждения? Вот же вам факт налицо: я сам несколько раз переселялся в тело марсианина.

— Но каким образом вы это делали, если только вы действительно не шутите?

— Делается это так. Астроном на Марсе, с которым я веду постоянные сношения, предлагает кому-либо из своих близких совершить экскурсию на нашу Землю и, получив его согласие, сообщает об этом мне. Тогда я сажусь возле акустической трубы и начинаю смотреть неподвижно на какой-либо блестящий предмет до тех пор, пока не почувствую дремоту. Тогда мой приятель на Марсе внушительным тоном приказывает мне заснуть и затем делает дальнейшие внушения о том, чтобы я перестал считать себя обитателем Земли, а вообразил бы, что я обитатель Марса, - именно тот, с которым я хочу поменяться своим «я». В то же время усыпляется и марсианин, изъявивший свое согласие на перемену со мною своим «я», и ему тоже делаются соответствующие внушения. И вот, по пробуждении, мы меняемся на время ролями: он делается Франсуа Роша, обитателем Земли, я становлюсь марсианином; он путешествует по Земле в моем теле, я в его — по Марсу. Не правда ли, это очень просто?

— Может быть, оно и действительно просто, но только все это для меня так ново и неожиданно, что мне все представляется, уж не в бреду ли я нахожусь, или не во сне ли все это вижу?

Роша засмеялся.

— Не сон это, батенька мой, не сон! Все это сушая правда и действительность! Так что, если вы хотите, повторяю, я могу вам самому устроить это путешествие на планету Марс. Там вы действительно увидите такие диковинки, что и во сне не приснятся.

— И долго мое пребывание на Марсе будет продолжаться?

— Это уж от вас самого будет зависеть. Сколько времени вы можете оставаться у меня здесь?

— Спешить мне решительно некуда. Я могу остаться здесь и неделю, и месяц, и даже более.

— Ну вот и отлично. Только знаете, уговор прежде всего. Дело в том, что, пока вы будете щеголять на Марсе в образе и подобии одного из его обитателей, последний, в свою очередь, будет путешествовать по Земле в вашем теле и под вашим именем. Я не хочу вам портить первого вашего впечатления от встречи с этими существами; вы их сами скоро увидите. Только, молодой человек, боюсь я за вас: как бы вы у меня не влюбились в какую-нибудь марсианочку и не вздумали остаться там навсегда. Хе, хе, хе!
— лукаво подмигивая, засмеялся старый Роша.

— Когда же такое путешествие может состояться? — спросил я,

— Ого, какое нетерпение! Только не сегодня, так как теперь уже время спать. А завтра поутру можете отправляться с богом в путь!

Нужно ли говорить, что эту ночь я спал не совсем спокойно? Завтра я буду в ином мире, на другой планете, среди обитателей Марса! Завтра я увижу то, чего никто из людей, за исключением доктора Роша, не только не видал, но о чем не имеют даже ни малейшего представления! Завтра мое «я» переселится в тело другого существа! Что меня ожидает на Марсе? Какое будет мое новое тело? Буду ли я старым или молодым? Красивым или безобразным? Без сомнения, я буду красивым, — думалось мне, — потому что высшие существа не могут быть некрасивыми; во всяком случае, они должны быть красивее людей.

Затем мои мысли обращались к Земле. Я знал, что оставляю ее ненадолго, но мне все-таки как-то жутко было с ней расставаться. Что, если с тем, кто будет без меня владеть моим телом, случится какое-либо несчастье? Разве не может произойти, например, крушения поезда, когда он будет путешествовать, или что-нибудь в этом роде, и он погибнет? Ведь я тогда должен буду навсегда остаться на Марсе в шкуре чуждого мне обитателя этой планеты? Я должен буду навсегда расстаться с тем, что здесь составляло весь смысл моего существования, и окунуться в новую жизнь, с новыми интересами, требованиями и задачами? Какова будет эта новая жизнь? Будет ли она меня удовлетворять, или я вечно осужден буду томиться тоской по далекой и невозвратно мною потерянной дорогой Земле? Впрочем, кто знает, — может быть, жизнь среди марсиан окажется более интересной и завлекательной, чем среди людей, и я несколько не буду жалеть о невозможности когда-либо снова возвратиться на Землю... Однако было одно обстоятельство, крепкими нитями привязывавшее меня в то время к Земле. Дело в том, что я тогда был влюбленным только в первый раз, на заре своей юности. Это была чистая, чуждая всяких чувственных и эгоистических побуждений, любовь. Не желание обладать любимой особой руководило моей страстью, — об этом я никогда не думал; мною руководила жажда преклонения пред избранницей своего сердца; потребность благоговейного уважения к тем совершенствам, которыми, как мне казалось, она обладала. Для меня на всем Земном шаре не существовало тогда другой девушки, более ее совершенной. Она воплощала в себе тот идеал, о котором смутно мечтает всякий во дни своей юности. Я знал за собою много недостатков, и счастье соединить свою судьбу с ее судьбою мне казалось настолько огромным, что я боялся даже думать об этом, считая себя ее недостойным. Но в то же время я чувствовал, что если бы только она согласилась быть моей путеводной звездой, моей совестью, моим верным другом на всю жизнь, то я был бы способен совершенно переродиться, сделаться совершенно иным — тем, чем она ни пожелала бы. <...>

И вот теперь я мучился над тем, должен ли я подвергать себя риску расстаться с нею, быть может, навсегда, и таким образом никогда не услышать от нее магического слова «люблю»? Долго я колебался над тем, быть или не быть, и только под утро решил окончательно, что, в сущности, ничего опасного в моем предприятии нет и я скоро возвращусь здоров и невредим, тем более, что доктор Роша не один уже раз совершенно безнаказанно делал подобное же путешествие.

И вот, вставши поутру и позавтракав, мы вместе с Роша поднялись в его обсерваторию.

— Ну-с, господин Пакс, — сказал доктор, открыв крышку акустической трубы и обращаясь к невидимому собеседнику, — мы готовы. Надеюсь, что вы там все видели и слышали, что у нас здесь происходило. Если есть у вас кто-нибудь, желающий побывать на нашей планете, то можете воспользоваться случаем.

— Благодарю вас, господин Роша, — послышался ответ. — Мой сын Экспериментус со вчерашнего вечера не выходит из моей обсерватории, сгорая желанием побывать у вас в гостях. Приготовляйтесь, за нами дело не станет.

По указанию доктора, я сел в кресло подле акустической трубы и неподвижно уставился глазами в одну точку. Чтобы ускорить мое усыпление, Роша начал делать перед моими глазами пассы. Однако мое нервное напряжение от близости готовящейся совершиться со мною метаморфозы было настолько сильно, что я долго не мог успокоиться и сосредоточиться; но вдруг я услышал исходящую из акустической трубы чудную, тихую, успокаивающую мелодию, производимую на каком-то совершенно не известном мне инструменте. Божественные звуки этой музыки проникали в самую глубину моего сознания и производили удивительно убаюкивающее действие. Я сразу забыл обо всем окружающем и только жадно ловил эти чарующие звуки, уносившие меня в волшебный мир грёз и сновидений.

— Вы более не на Земле, вы на Марсе, выше «я» перешло в тело моего сына.

Это были последние слова, оставшиеся в моей памяти, когда я находился в состоянии овладевшей мною полудремоты; но я до сих пор не могу дать себе отчета в том, где я их слышал: на Земле или уже на Марсе.

— Пробудитесь! Откройте глаз! — слышался тот же голос, и кто-то дунул мне в лицо.

Я открыл глаза и тотчас же снова закрыл их от охватившего меня невыразимого ужаса...

IV

Боже мой! Что я вижу? Что за чудовище наклонилось надо мною? Где я? Кто я? Что со мной? — все эти вопросы вихрем закружились в моей голове, не давая мне возможности ни на чем сосредоточиться.

— Ничего не бойтесь! Успокойтесь! Вы в совершенной безопасности. Соберите ваше мужество и раскройте глаз! — раздался опять подле меня чей-то спокойный, ободряющий голос.

Я снова раскрыл глаза и, наверное, упал бы в обморок, если бы только был теперь способен к этому.

— Да не пугайтесь же! Оглянитесь вокруг спокойнее! — опять повторил тот же голос.

Я посмотрел по направлению говорившего. Но господи! Да что же это такое? Неужели это говорит со мною то чудовище, которое я вижу перед своими глазами? Кто он? Что ему от меня нужно? Ведь это же сам дьявол, — хуже дьявола, потому что и дьявола у нас изображают в более привлекательном виде.

Представьте себе нечто вроде громадной жабы с огромной птичьей головой на толстой, крепкой шее. Посреди широкого лба, в нижней его части, блестел единственный круглый, большой, пристально на меня направленный глаз. Под этим глазом тотчас же начинались длинные вытянутые мягкие губы, похожие на широкий клюв, с толстым мясистым

языком внутри. Верхушка же головы оканчивалась каким-то небольшим, подвижным воронкообразным органом. Спереди, от широких плеч, тянулись два длинных, мускулистых хобота, заменявших руки, концы которых были снабжены, вместо пальцев, несколькими маленькими мясистыми наростами, благодаря которым чудовище могло ощупывать и держать предметы так же хорошо и удобно, как мы руками. Эти два хобота, доходившие до пят, в верхней своей части были соединены с туловищем кожаной, висевшей складками, перепонкой. По сторонам от хоботов, сзади их, торчали огромные, широкие клешни, похожие на клешни рака, твердые, как сталь, и обтянутые упругой кожей. Широкая грудь, часть живота и спина были покрыты чем-то вроде чешуи, ярко-синего цвета, цвет же кожи на хоботах был желтый. Нижняя часть туловища, прикрытая яркой материей, оканчивалась длинными, тонкими ногами, с перепончатыми на ступнях пальцами. Чудовище стояло на этих ногах так, как будто собиралось прыгнуть, причем, седалищную часть упиралось на толстый лопатообразный хвост, напоминавший хвост речного бобра; оно молча наблюдало за мной, неподвижно уставившись на меня своим единственным огромным глазом. И странное дело! Этот глаз, полный мысли, производил на меня и жуткое и в то же время успокаивающее впечатление. Я понял, что это чудовище вовсе не желает мне ничего дурного и что с ним можно иметь дело.

— Ну, кажется, вы, наконец, успокоились, — заговорил вдруг мой оригинальный собеседник, открывая свой птичий клюв и, как мне показалось, улыбаясь своим единственным глазом.

В ответ я только тяжело вздохнул.

— Позвольте же представиться: я астроном Пакс, хозяин этого жилища. Добро пожаловать, дорогой гость с далекой Земли! — и, сделав на своих журавлиных ножках два шажка, вернее, два прыжка, он протянул мне для пожатия свой хобот, очевидно, желая меня ободрить нашими земными приемами вежливости.

«Так вот он каков красавец, этот таинственный астроном на Марсе!» — подумал я, видя комические усилия, с которыми это странное существо старалось держать себя со мной по-нашему, по-человечески.

И несмотря на всю жуткость своего положения, едва удерживаясь от смеха, я тоже протянул было ему свою руку. Но вдруг с ужасом вскочил со своего места и в состоянии какого-то безумного исступления начал биться и прыгать по комнате. Дело в том, что, протянув руку для пожатия, я тут только заметил, что моя рука была таким же хоботом, и я сразу понял, что я сам был точно таким же чудовищем, точно таким же циклопом, с птичьим носом, с птичьими ногами, с рачьими клешнями и хвостом! Ужасу моему не было предела! Я бился головой о стены, катался по полу, стараясь отшвырнуть от себя безобразные члены своего нового тела, избавиться, выпрыгнуть из той отвратительной формы, в которую переместилось мое сознание, мое «я». Вероятно, в ту пору я был очень комичен. Я напоминал собой ту дикую, молодую лошаденку, которую в первый раз запрягли в экипаж, и она в ужасе лягает, дрожит, рвется и брыкается, стараясь освободиться от совершенно необычного приращения к ее телу каких-то новых, непонятных ей членов. Но мне освободиться от моего тела было так же трудно, как освободиться от самого себя.

Между тем чудовищный циклоп, Пакс, как он назвал себя, совершенно спокойно и невозмутимо смотрел на мои безумные усилия, терпеливо ожидая конца пароксизма.

Наконец, в совершенном изнеможении и почти без сознания, я упал на пол.

— А я хорошо сделал, что заставил вас очнуться в этой комнате, обитой мягкими обоями, а то вы переломали бы все кости в организме моего бедного сына, — спокойно и как бы про себя произнесло чудовище.

— О, боже мой! Что же это со мной происходит?! — простонал я.

— Да ничего особенного. Пароксизм миновал, и, надеюсь, теперь вы можете более здраво смотреть на вещи. Успокойтесь же, наконец!

— Но кто вы, и что вам от меня угодно? — со злобой обратился я к этому отвратительному существу, внушавшему мне такой ужас.

— Я имел уже честь вам рекомендоваться, — сказал циклоп, и в его выразительном глазу я прочел добродушную иронию. — А что мне от вас угодно, так, право же, ровно ничего. Ведь вы же сами изъявили желание побывать на нашей планете.

Ах, все это я прекрасно сознавал! Но мог ли я ожидать, что окажусь в таком положении, попаду в такую ловушку? Ведь я себе представлял, что буду здесь в обществе таких же человекоподобных существ, как на Земле, даже более совершенных физически. И вдруг очутился среди каких-то безобразных чудовищ и даже сам превратился в одного из них!

— Послушайте, — произнес я, — можете вы меня опять сейчас же возвратить на Землю?

— Сейчас же?!

— Да, сейчас же. Я не в силах, я не могу, я не хочу оставаться здесь долее ни одной минуты. Если в вас есть хоть капля искры божьей и сердца — возвратите меня обратно!

— К сожалению, я не могу этого сделать, даже если бы и хотел. Мой сын не теряет времени, он теперь уже по дороге в Шамуни, а оттуда тотчас же направится в Англию, где сядет на пароход, чтобы ехать в Америку. Его очень интересуется ваш Новый Свет. Ранее трех месяцев вам и думать нечего о возвращении на Землю.

— Три месяца! Боже мой! Три месяца! Да ведь я умру здесь за это время!

— Ну, полноте! У нас такие молодые и крепкие организмы как тот, в котором вы теперь находитесь, не умирают без всяких причин. Да и что за фантазия явилась у вас возвращаться обратно, не поинтересовавшись даже тем, к чему на Земле так стремились? Стыдитесь, молодой человек! Это малодушие. Впрочем, я уверен, что когда вы совершенно придете в себя, успокоитесь и соберетесь с мыслями, то сами будете порицать себя за свою

минутную слабость. А потому, чтобы не мешать вам поразмыслить и собраться с духом, я пока вас оставлю одного. До свиданья!

И, вспрыгнув по-сорочьи на нечто вроде подоконника, находившегося у огромного окна без рам и стекол, чудовище низринулось вниз головой куда-то в пространство.

Сгорая от любопытства, я, позабыв обо всем, подбежал к окну, чтобы посмотреть, что с ним случилось, и не разбилось ли оно о землю?

Подоконник был настолько высок, что мне необходимо было подпрыгнуть, чтобы взобраться на него. Движимый каким-то инстинктом, я сделал этот прыжок почти бессознательно, и притом с изумительной для самого себя ловкостью. Но, очутившись на окне, я остолбенел от изумления при виде неожиданной картины, представившейся моему глазу, единственному, но, тем не менее, так же хорошо все видящему, как и два.

У подножия огромного здания, в котором я находился, тихо плескались чудного янтарного цвета волны безбрежного моря. Картина была до того неожиданна и поразительно величественна, что я долго не мог прийти в себя.

И вдруг, не знаю почему, при виде этого простора, этого безбрежного моря с его своеобразною окраской, этого голубого неба, мне сразу сделалось весело, так весело, что, если бы не опасение упасть с подоконника в море, я, наверное, запрыгал бы от восторга! Мрачного, угнетенного настроения как не бывало, мысли в голове прояснели, и я почувствовал необычайную бодрость и подъем духа.

«И с чего это,— думалось мне,— я впал в такое малодушие? Ведь решительно ничего дурного со мной не случилось, да, по-видимому, и не должно случиться. Если меня напугал вид марсианина и мое собственное безобразие, то ведь не вечно же я буду щеголять в этом наряде? Будем воображать, что я в маскарадном костюме. Марсианин прав: мне надо как следует воспользоваться своим пребыванием здесь и осмотреть и изучить все, что достойно осмотра и изучения. И как это досадно, что я на первых же порах выказал себя таким дикарем перед этим странным субъектом, между

тем как он был со мною так терпелив и добр. Какие он, после этого, может сделать заключения о нас, людях, обитателях Земли?»

И мне захотелось снова увидеть моего безобразного хозяина, принести ему мои искренние извинения и сожаления по поводу происшедшего и доказать ему, что я вовсе не такой дикарь, как он, вероятно, думает.

Но странно: куда он исчез? Я глянул на море, но на его поверхности незаметно было ни малейшего предмета. По всей вероятности, он нырнул в воду и скрылся под ее волнами. И тут я вспомнил, что организм этого существа был, по-видимому, приспособлен к тому, чтобы жить и на суше и под водой, как организм наших бобров или раков, некоторые органы которых очень напоминали органы обитателей Марса.

Стоя на подоконнике, я стал рассматривать окружающую меня обстановку.

Здание, в котором я находился, выступало прямо из воды и походило на маяк среди моря. Оно имело круглую, конусообразную форму, и вершина его поднималась высоко к небу. Это было гигантское сооружение с широким основанием, напоминавшее собой одну из египетских пирамид, и по своей высоте, как мне казалось, превосходившее собою в несколько раз самую высокую из них. Впрочем, об истинных размерах как этого здания, так и вообще всех окружающих меня предметов, я, за отсутствием земных предметов для сравнения, не мог, разумеется, составить даже и приблизительного понятия. Имей я свои человеческие формы, мне нетрудно было бы, сравнивая себя с окружающими меня предметами, судить об их относительной величине. Но я был в чужой шкуре, и о размерах самой этой шкуры мог судить только тоже относительно. И кто знает? Может быть, это безбрежное море, которое расстилалось перед моими глазами, по сравнению с нашими морями было только ничтожным озерком, а здание по своим размерам не больше нашей детской игрушки, и мне, ничтожному пигмею, только казалось все это большим, как какой-нибудь букашке, живущей в дождевой луже, должен казаться огромною горой камешек, брошенный

рукой ребенка. А может быть, и наоборот, я был гигантом сравнительно с людьми...

Как бы то ни было, будь я в земной человеческой оболочке, я, вероятно, о многом судил и заключал бы совершенно иначе, чем судил теперь, будучи в шкуре марсианина. Известно, что сила притяжения на Марсе в 2 с лишком раза меньше, чем на Земле, и если бы я перенесся сюда вместе с моим прежним телом, то, вероятно, я мог бы здесь чуть не летать по воздуху. Однако этого не было. В своем теперешнем теле я совсем не чувствовал никакой разницы между тяжестью на Земле и на Марсе. Словом, многое из того, что мне как человеку должно бы резко бросаться в глаза и изумлять меня, — как марсианину мне казалось вполне естественным и нисколько меня не поражало.

Соскочив с подоконника, я стал внимательно осматривать стены, в надежде увидеть какую-либо дверь или выход, и, действительно, скоро рассмотрел, что одна из стен была задрапирована занавеской, скрывавшей собою вход в другую комнату. Приподняв занавеску, я вошел в эту комнату, но едва только сделал по ней шага два, как вдруг с ужасом отпрыгнул и бросился обратно: я увидел, что с противоположной стороны одновременно со мной вошел в эту же комнату откуда-то взявшийся новый марсианин, такой же чудовищный, как и прежний. От неожиданности я не мог сдержать своего испуга и отвращения и малодушно спасовал. Но убегая, я заметил, что и марсианин, столь напугавший меня, тоже, в свою очередь, был испуган и также бросился прочь. Постояв некоторое время за занавесью и побуждаемый любопытством, я снова ее приподнял. Но каково же было мое изумление, когда я увидел, что и напугавший меня марсианин выглядывает точно таким же образом из-за такой же занавески на противоположной стороне и с любопытством смотрит на меня. Мне стало крайне досадно.

— Эй, вы, послушайте! — вскричал я: — кто вы такой?

Но чудовище только беззвучно передразнило меня губами.

«А, черт побери! — вдруг сообразил я. — Да ведь это же, кажется, я сам: это мое изображение в зеркале!...»

Действительно, все стены в этой комнате оказались сплошным зеркалом.

«Но я положительно разыгрываю из себя здесь дикаря из дебрей африканских лесов! — с досадой подумал я. — Испугался своего собственного изображения в зеркале! Что обо мне подумали бы обитатели Марса, если бы узнали мое приключение со своею собственной тенью!»

И я твердо решил не удивляться более ничему, что бы ни увидел и что бы со мной ни случилось, или, по крайней мере, делать вид, что меня ничто здесь не может изумить, как человека просвещенного, смотрящего на все с философским спокойствием.

Смело подойдя к зеркалу, я начал разглядывать в нем самого себя. Увы! Я далеко не был красавцем! Воронкообразный орган, находившийся на верхушке моей головы, оказался ухом. Это оригинальное, подвижное ухо было покрыто длинными, но редкими, мягкими волосиками, торчавшими в разные стороны. Когда я начинал к чему-либо прислушиваться, ухо само по себе поворачивалось воронкообразным отверстием в сторону шума, как бы ловя звуки; если же я не желал слушать, ушная воронка сама собой плотно закрывалась, так что внешние звуки не доходили до меня.

Но самым замечательным и самым привлекательным органом у меня был мой глаз, единственный глаз, сидевший глубоко под самым лбом. Мне никогда ни у кого из людей не приходилось видеть таких чудных, полных глубокой мысли глаз, какие были у марсиан. Этот глаз, казалось, проникал в самую сущность всякой вещи. Мой глаз мирил меня с безобразием всего моего остального тела. «Что, если бы мои глаза там, на Земле, были столь же дивно хороши!» — думал я. Но разница между человеческим глазом и глазом марсианским была такая же, как разница между тусклым стеклом и бриллиантом самой чистой воды.

Налюбовавшись собственной персоной, отраженной в зеркале, я стал делать различные телодвижения; затем, желая ближе ознакомиться с функциями всех своих новых членов, начал бегать по комнате, прыгать, размахивать хоботами и клешнями и шлепать себя по бедрам хвостом. Больше я уже не страшился самого себя. Напротив, мое тело казалось мне даже очень забавным. Я действительно чувствовал себя в нем, как в маскарадном костюме. Меня потянуло с кем-нибудь поделиться своими впечатлениями. Я жаждал поскорее увидеть кого-нибудь из марсиан. Но где их отыскивать? По-видимому, я был в этом здании совершенно один. Кругом была мертвая тишина, и только снаружи до моего слуха доносились звуки тихо плескавшихся у подножия здания волн моря. Я стал снова осматривать стены, в надежде найти новый выход, но ничего подобного не оказывалось. Тогда я опять возвратился в первую комнату и, вспрыгнув на подоконник, начал смотреть на расстилавшуюся передо мною поверхность моря.

V

Вдруг там, далеко над горизонтом, я заметил какой-то темный предмет, летевший по воздуху по направлению прямо ко мне. С первого взгляда, за дальностью расстояния, было трудно рассмотреть, что это такое. Казалось, это была какая-то птица, огромная птица, с чрезвычайно длинным туловищем. Таинственный предмет быстро приближался, и я напряг всю силу зоркости своего глаза. Да, без сомнения, это птица, — я стал уже вполне ясно различать ее размеры и формы. Но боже! Ведь эта птица страшно похожа на того двуглавого дракона, о котором я в детстве слышал только в сказках от своей няни! И этот страшный дракон с двумя раскрытыми пастьями, со свистом рассекая крыльями воздух и храпя, и фыркая, как лошадь, несется прямо на меня, прямо к окну, на котором я стоял! Что мне делать? Вероятно, он меня уже заметил и летит, чтобы пожрать меня! Ах, почему меня оставили одного, зачем не предупредили, что здесь существуют такие страшные, кровожадные чудовища? Теперь я погиб! И куда это скрылся Пакс?!..

Мне стало даже казаться, что я уже слышу запах серы... Моментально я спрыгнул с подоконника и бросился в другую комнату, чтобы где-нибудь спрятаться. В этот момент дракон, пыхтя и страшно вращая своими огромными глазищами, с шумом сел на подоконник, где я только что стоял.

— Ну что, успокоились ли вы, наконец? — послышался вдруг веселый голос Пакса, и не успел я сообразить, откуда исходит этот голос, как Пакс, спрыгнув со спины дракона, очутился возле меня.

— Боже мой, как меня напугало это чудовище! — дрожа от страха, произнес я. Пакс засмеялся:

— Не бойтесь! Это чудовище столь же безобидно, как ваши упряжные лошади.

И, подойдя к дракону, он потрепал его своим хоботом по шее, причем страшное животное издало какое-то громкое шипение, наподобие гусиного, должно быть выражая этим свое удовольствие. Затем Пакс хлопнул (уо по спине и свистнул. Дракон повернулся на подоконнике, взмахнул своими могучими крыльями и исчез.

— Надеюсь, что вы теперь совершенно привели свои чувства и свои мысли в порядок? — обратился ко мне марсианин.

— Да, сударь. Но меня немножко напугал этот дракон... Это было так неожиданно... Я ничего не подозревал подобного, — забормотал я, конфузясь и припоминая свои недавние приключения. — Вы меня извините, пожалуйста, за мое поведение. Я вполне сознаю, что должен был показаться вам совершенным дикарем; но ведь, вы знаете...

— О, пожалуйста, не трудитесь извиняться. Своим поведением вы несколько меня не удивили, — иным оно и не могло быть. Вы сразу очутились здесь в совершенно для вас неестественной и, главное, неожиданной обстановке. Ведь вы, обитатели Земли, привыкли считать себя центром мироздания, венцом творения и, если подозреваете о существовании разумных существ на других планетах, то почему-то воображаете, что эти существа непременно должны быть и по наружному виду похожи на вас, так

как вам кажется, что лучше и совершеннее форм человеческого тела нет и быть не может. Вы с детства проникаетесь антропоморфическим взглядом на природу и на разум в природе, приписывая ему те же самые свойства, какими обладает ваш разум. Все это для меня вполне понятно. Это заблуждение когда-то существовало и у наших предков, пока они не изобрели такие оптические инструменты, при помощи которых сделалось возможным видеть и изучать других разумных существ, живущих на других планетах. Да, когда-то и наши предки воображали, что лучше, красивее и совершеннее их нет в мире существ. И поверьте мне, что обитателю Марса, в первый раз видящему организм человека, он кажется так же безобразным и внушает такое же чувство отвращения, как и наш организм вам.

Я был сильно смущен этими словами, потому что они мне казались вполне справедливыми. В самом деле, с чего это я воображал, что обитатели Марса непременно должны быть похожи на нас — людей? Почему я думал, что природа, произведя человека, истощила на нем всю свою художественную, творческую способность и, создав этот шедевр своего искусства, уже сделалась неспособной творить что-либо более совершенное? Какое дикое самомнение и самообольщение! Какое невежественное недоверие к творческим способностям природы!

Я совершенно не знал, что ответить марсианину.

— Вы только сравните свое человеческое тело с нашим, — продолжал Пакс, — и вы увидите, что наш организм много совершеннее вашего. Начнем хотя бы с нашего верхнего органа — уха. Ваши уши устроены так, что вы волей-неволей должны слушать все, даже то, чего вам не хотелось бы, — они у вас всегда раскрыты для всех звуков, приятных и неприятных. Мы раскрываем свой орган слуха только тогда, когда этого желаем, и притом в такой мере, как это нам кажется лучше и удобнее. Глаз у нас хотя и один, но он видит ничуть не хуже, чем ваши два. Вы знаете, что освещение на Марсе вдвое слабее, чем., у вас на Земле, а, между тем, замечаете ли вы эту разницу? Наши два мускулистых хобота далеко совершеннее и удобнее

ваших двух костлявых, неуклюжих рук: мы можем оперировать ими, как нам угодно, сгибать их в любом направлении, свивать, если нужно, в кольцо, и прочее, между тем как кости ваших рук позволяют вам делать руками только ограниченные движения. Наши органы дыхания устроены так, что мы можем жить и на суше и в воде, как ваши земноводные.

Вы видите на пальцах наших ног перепонки? Они позволяют нам быстро плавать, причем хвост служит нам вместо руля. А эти клешни сослужили нам когда-то громадную службу в борьбе за существование. Можно сказать, что, главным образом, благодаря им мы вышли победителями и восторжествовали над всеми другими животными. Впоследствии, когда мы изобрели другие, искусственные и более действенные орудия для борьбы с врагами, эти клешни утратили свое прежнее значение, и теперь служат нам скорее лишь как украшение, как ногти на человеческих пальцах, бывшие у вас когда-то тоже не последним орудием для нападения и самообороны.

«Клешни им служат для украшения! Хорошо украшение, нечего сказать!» — подумал я.

— Красота ведь вещь, милостивый государь, совершенно условная, — сказал Пакс, точно прочитав у меня в глазу мою мысль. — Даже и у вас на Земле люди расходятся во взглядах на красоту, в особенности на красоту форм человеческого тела. В глазах некоторых ваших африканских дикарей самую красивую женщиной считается та, которая настолько растолстела и ожирела, что без посторонней помощи не может вставать и ползает на четвереньках. А есть и такие, что находят красивым продевать себе кольца через ноздри, срезать верхушки ушей, сплющивать нос и прочее. С точки зрения вашего европейца это считается уродством, между тем как негру европейская красавица с ее белым цветом кожи внушает чувство омерзения. Если среди людей на Земле существует такая громадная разница во взглядах на красоту, то тем более эта разница должна существовать у разумных существ разных планет, не имеющих почти ничего общего в устройстве их

организмов. То, что, с вашей точки зрения, вам кажется в нас уродливым и безобразным, нам далеко не представляется таковым, и наоборот, то, что вам представляется у вас верхом красоты, изящества и совершенства, нам кажется неуклюжим и отвратительным.

— Не будем об этом спорить,— возразил я,— во всяком случае, надеюсь, что эта разница во взглядах на красоту не помешает нам с вами остаться в хороших отношениях?

— Вы имеете о нас, обитателях Марса, очень нелестное мнение, если думаете, что мы способны быть в претензии на тех, кто не согласен с нами,— возразил Пакс.

Я так сконфузился от этого замечания, что почувствовал, как мое ухо на макушке головы поднялось и насторожилось: у обитателей Марса чувство смущения проявляется именно в такой форме, а не в краске на лице, как у людей.

— Ну, полноте! Надеюсь, что, узнав друг друга ближе, мы сделаемся друзьями, — сказал марсианин, протягивая мне свой хобот для пожатия.— Вы, вероятно, голодны. Сейчас мы отправимся в мою столовую, которая находится там, на дне моря, — указал он своим хоботом куда-то за окно. — Моя жена и дочь нас ждут. Я их предупредил, что у нас будет гость. Моя дочь очень интересуется вами и нарочно изучила все ваши земные светские манеры обхождения, чтобы вам на первых порах не чувствовать себя среди нас как в лесу, — с лукавым, как мне показалось, взглядом прибавил марсианин.

«Боже мой! Его дочь интересуется мной! Уж не хочет ли она влюбить меня в себя!» — почти с ужасом подумал я.

— Прыгайте за мной на подоконник, — сказал Пакс, легко, точно птица, вскочив на окно. Я беспрекословно повиновался.

— А теперь ныряйте в воду, я последую за вами! — указал он на находившуюся под нами морскую пучину.

— Но помилуйте! Я совершенно не умею плавать. Я могу утонуть, — запротестовал я в испуге.

— Не утонете; вы увидите, что нет никакой опасности. Да ну же, смелее!

И не успел я ничего возразить, как он легонько подтолкнул меня, и я стремглав полетел в воду, испуская крик ужаса.

Опомнившись уже под водой, я увидел, что рядом со мной находился Пакс.

— Вы видите, что ничего страшного нет, — сказал он.

— Плывите за мной: нам предстоит сделать ваших верст 20.

И он быстро помчался в глубину моря. Я последовал за ним, но с непривычки мне было трудно поспевать.

— Однако мы так, пожалуй, не скоро прибудем. Придется, верно, вас везти, — заметал мой жохатый, и при этих словах он издал пронзительный звук, в ответ на который из глубины моря послышалось страшное мычание, вроде коровьего, и скоро в полумраке воды я увидел какую-то огромную массу, несшуюся к нам навстречу. Но вот я ясно разглядел огромное морское чудовище с громадной пастью, в которой торчали страшные зубы, как у акулы. Я уже думал, что мы оба погибли, но Пакс, сделав легкий пируэт в воде, вспрыгнул на спину морскому животному и закричал:

— Ну, вот вам конь, влезайте на него и садитесь позади меня! Он нас живо домчит.

Я с недоумением смотрел то на марсианина, то на огромную рыбу, не зная, на что мне решиться.

— Да смелее! Давайте ваш хобот, — сказал Пакс, протягивая мне свой. Я ухватился за него и тотчас же очутился на спине морского чудовища, рядом с марсианином, как в седле, в одном из углублений на длинном хребте рыбы, имевшей вид гигантской стерляди.

— Вы еще не успели освоиться с функциями членов вашего нового тела, и потому на первое время вам немножко трудно чувствовать себя в воде

так же легко, как и нам. Но это не беда, вы живо привыкнете к своему новому положению, — говорил Пакс, в то время как рыба с невероятной быстротой несла нас в глубину моря.

По мере того, как мы опускались ко дну, мрак сгущался все более и более. Нам встречались иногда различные, совершенно неведомые мне рыбы и морские чудовища. Но вот мы опустились до самого дна. Какой своеобразный, новый мир открылся передо мною! Мы плыли среди огромных водорослей, густо переплетенных между собой. Там и сям виднелись гигантские букеты цветов, чрезвычайно ярких и более роскошных и блестящих, чем перья павлина, опущенных бесчисленным множеством причудливых раковин, испещренных самыми яркими красками. Повсюду виднелись громадные тысячелистники, протягивавшие во все стороны свои извилистые руки. Лучи солнца очень слабо проникали в этот таинственный мир, хотя, несмотря на это, мой глаз ясно различал все предметы.

Но вот мы вступили в совершенно темный, узкий проход, образованный громадными, нависшими с той и с другой стороны подводными горными кряжами. Минут пять несла нас рыба по этому узкому, мрачному ущелью, как вдруг впереди показался просвет. И не успел я сообразить, отчего происходит это освещение, как мы очутились в долине, освещенной как бы ярким лунным светом, причем, источника этого света нигде не было видно.

Стараясь понять это таинственное явление, я заметил, что свет исходил от самой воды, и не только от нее, но и от всех предметов, находившихся в ней, даже мы сами светились, точно светляки. Оказалось, что здесь была фосфоресценция моря.

Вид, открывшийся перед нами, был поистине волшебным. Мне чудилось, что мы плывем среди развалин какого-то величественного заколдованного подводного города. От действия морской воды скалы, торчавшие вокруг, были испещрены самыми разнообразными вычурными узорами и походили на остатки фантастических зданий и замков с

бесчисленными зубцами на стенах. Повсюду виднелись столбы, колонны, чудовищной высоты портики, поднимавшиеся высоко над нашими головами к поверхности моря. Громадные каменные глыбы были увенчаны своеобразными балюстрадами и галереями. И все эти портики, колоннады, дворцы и столбы были покрыты миллионами различных живых существ и растений, сглаживавших собою шероховатости и угловатости скал, так что камень под эту магическую растительность совершенно исчезал. Со всех сторон поднимали свои живые ветви множество зоофитов и полипов, и мириады медуз, подобно люстрам, украшенным хрустальными подвесками, свешивались со сводов гротов. Под арками же плавали легионы разнообразных рыб и морских чудовищ.

Миновав этот заколдованный лабиринт, мы выплыли на ровную, усыпанную песком площадку, посреди которой оказался великолепный небольшой домик-дворец, сделанный из какого-то очень красивого камня, похожего на яшму, с огромными хрустальными окнами. По ту сторону этого дворца начинался величественный парк, с такими своеобразными гигантскими деревьями, что вершины их терялись где-то высоко у поверхности воды.

Рыба подплыла к зданию и остановилась. Пакс, ловко соскользнув с нее, пригласил меня следовать за собой. Мы подошли к четырем красивым колоннам портика. Среди этих колонн находился бассейн, или, вернее, большая металлическая ванна. Сказав, чтобы я следовал за ним, Пакс нырнул в эту ванну, и когда я очутился возле него, он надавил какую-то пуговку. Ванна тотчас же герметически захлопнулась сверху крышкой, мы очутились в совершенной темноте, и я почувствовал, как эта ванна вместе с нами стала погружаться сначала вниз, а потом снова поднялась вверх и остановилась. Пакс снова надавил кнопку; крышка открылась, и мы очутились уже не в воде, а на воздухе, в ярко освещенной, благоухающей комнате подводного домика.

— Ну, вот мы и дома, — сказал Пакс.

VI

Когда мы привели себя в порядок и я успел оглядеться, Пакс объявил, что он сейчас меня познакомит со своей женой и дочерью, которые находились в соседней комнате.

— Но я должен буду чувствовать себя перед вашими дамами очень неловко, так как не имею никакого понятия о вашем языке, и мне придется объясняться с ними пантомимами, — заметил я.

— На этот счет не беспокойтесь, — возразил мой хозяин. — Моя жена и дочь обе страшные лингвистки и владеют русским языком так же хорошо, как и мы с вами.

И затем, подойдя к двери, за которой находились марсианки, и, очевидно, стараясь играть роль европейского джентльмена, Пакс предварительно постучал в нее своим хоботом.

— Войдите! — слышалось изнутри.

Дверь отворилась, и мы предстали пред дамами.

Совсем не прелестные марсианки были несколько менее ростом марсиан-мужчин и отличались от последних более мелкими и выразительными чертами лица, если только можно назвать лицом ту часть головы, на которой находился у них глаз и птицеобразный клюв. Уши у них были сравнительно небольшие и совершенно без волос. Чешуи на груди и спине не было, и кожа на этих частях была гладкая, а форма груди очень напоминала грудь наших женщин. В то время, как весь костюм марсиан состоял из одних только кальсон, вроде купальных, костюм марсианок был несколько сложнее и прикрывал собой значительную часть туловища и грудь.

— Позвольте вам представить нашего дорогого гостя с далекой Земли. Прошу любить да жаловать, — отрекомендовал меня Пакс своим дамам.

— Очень приятно, милости просим! — сказала г-жа Пакс, протягивая мне свой хобот.

— А ты, дочурка, не забывай, что это больше уже не твой брат, Экспериментус, а совсем чужой, — заметил Пакс дочери, сделавшей передо мной уморительный книксен.

— И он, и не он. Так мы вас и будем звать — Не-Он. Хорошо? — обратилась ко мне юная марсианка.

— Bravo, дочурка! Bravo! Это очень остроумно: Не-Он; да, именно — Не-Он; так его и будем звать, — сказал отец.

— А мы здесь давно уже сгораем от нетерпения с вами познакомиться. Ну, рассказывайте, каковы ваши первые впечатления от всего, что вы встретили здесь, на Марсе? — обратилась ко мне г-жа Пакс.

— О, сударыня, — все мои впечатления можно выразить в двух словах: я весь изумление!

— И ужас, в особенности? Не правда ли? — подхватила Либерия, так звали дочь Паксов. — Ведь я угадала? Ведь мы внушаем вам ужас и отвращение? — безжалостно продолжала она, в то время, как я совершенно не знал, что ей отвечать на это. Положение мое было довольно щекотливое. Говорить комплименты было бы и смешно, и глупо, и пошло, сознаться же, что она угадала, было бы, как мне казалось, крайне невежливо.

— Не отвращение, сударыня, совсем не отвращение, но... но... — в смущении забормотал я, решительно не зная, что должно последовать за этим но.

— Ах, Либерия, какая ты неловкая! Да разве можно задавать такие вопросы, на которые трудно отвечать правду? — с упреком заметила г-жа Пакс дочери.

От этого замечания я растерялся еще более и, чувствуя, как снова ухо на .моей голове поднимается торчмя, глупо молчал.

— Ну, идем обедать! — выручил меня из затруднительного положения Пакс, беря за хобот и ведя в столовую.

Мы все четверо сели за стол. Г-жа Пакс нажала кнопку на крышке стола, и вдруг середина его исчезла и потом появилась вновь —

сервированная, с четырьмя приборами и несколькими, герметически закрытыми мисками. На столе оказались и салфетки, и ножи, и вилки — словом, все, как в каком-нибудь ресторане у нас на Земле.

— Так как вы не привыкли кушать по-нашему, то мы заказали на сегодня обед по-европейски, — заметила, видя мое удивление, г-жа Пакс.

— Кто же у вас готовит этот стол и как? — полюбопытствовал я.

— Центральная кухня нашего района помещается довольно далеко — за несколько верст отсюда. Мы заранее, по телефону, заказываем нужные блюда, а доставляются они автоматически, по трубам, посредством сжатого воздуха. Не знаю, понравится ли вам наша стряпня?

— Щи? — удивленно воскликнул я, видя, что г-жа Пакс наливает мне в тарелку щей. — Русские щи, со свежей капустой?!

— Да, сегодня для вас я нарочно заказала, по особому рецепту, ваши любимые национальные блюда.

Я был поражен и тронут внимательностью своих хозяев.

— Скажите, пожалуйста, из мяса какого животного приготовлены эти щи? — спросил я, отведав и найдя, что мясо было положительно бесподобно.

— Мы не употребляем мяса животных в пищу, фи!.. — сказала Либерия. — Мясо, которое вы теперь кушаете, — искусственное, приготовленное химическим способом в нашей кухонной лаборатории, как и капуста, так как на Марсе этой овощи не растет.

— Ах, вот что! Но оно несравненно вкуснее настоящего мяса животных! Только так же ли оно питательно? — спросил я.

— Оно много питательнее обыкновенного мяса, потому что оно приготавливается специалистами, и состав входящих в него веществ известен заранее.

Следующее блюдо были жареные рябчики, которые оказались также искусственными, а на десерт были поданы марсовские фрукты, несравнимые по своему вкусу и ароматичности.

Обед прошел очень оживленно, и тут же было решено, что мы вместе с Либерией отправимся в кругосветное путешествие по Марсу. Либерия только что в этот год закончила свое школьное образование и хотела завершить его путешествием.

Во время десерта дочь Паксов вышла из-за стола и, подойдя к находившейся в комнате трубе, напоминавшей резонатор фонографа, завела какую-то пружинку.

— Чтобы вы не особенно скучали по своей далекой родине, я сделаю вам маленький сюрприз, — сказала она, и вдруг по всей комнате раздались стройные голоса хоровой русской, студенческой песни:

*Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой...*

Впечатление от этой песни на меня было необычайно. Мне казалось, что все это сон, что вот-вот я проснусь, и иллюзия исчезнет. Я пробовал даже себя щипать, но напрасно: пробуждения не было.

Вспоминая прошлое, мне даже теперь кажется, что я рассказываю какую-то сказку, а не действительно мною пережитое.

— Как видите, мы не совсем здесь варвары, и с вашим новейшим изобретением — фонографом знакомы уже более тысячелетия. Мы сумели уловить в него даже песни, распеваемые вами на Земле, за многие десятки миллионов верст отсюда, — заметил Пакс.

— Я прихожу к тому заключению, что для могущества разума, проявляющегося в существах, им одаренных, трудно указать пределы возможного, — сказал я.

После обеда Пакс повел меня по всем комнатам своего подводного жилища, чтобы показать внутреннее его устройство. Этот подводный домик был совершенно непроницаем для воды, а воздух в него нагнетался через трубы, имевшие сообщение с внешней атмосферой. По трубам же, посредством сжатого воздуха, это жилище снабжалось всем необходимым из

особых магазинов, с которыми оно имело сообщение; так что живущим в нем не было никакой необходимости самим запасать что-либо. <..>

VII

— Не хотите ли пока, до завтрака, посмотреть наш подводный коралловый сад? — предложила мне поутру на следующий день Либерия.

— С удовольствием, — сказал я.

И мы вышли с ней точно тем же самым ходом, которым вошли сюда накануне с Паксом, и отправились по направлению к тому парку с гигантскими деревьями, который я заметил вчера вблизи домика. Когда мы вступили под своды этого своеобразного сада, перед нами открылся целый фантастический мир, настоящее волшебное царство! Со всех сторон поднимались огромные, величественные, как дубы, гигантские деревья, крепкие и белые, как слоновая кость. На огромном пространстве поверхность подводного плоскогорья, расстилавшегося перед нами, была занята этими колоссальными столбами, имевшими в диаметре по несколько десятков сажен. Прозрачная слизистая оболочка, наподобие коры, покрывала громадные стволы этих окаменевших деревьев с их многочисленными ветвями, оканчивавшимися почками самых разнообразных цветов. Необъятные бока этих гигантских стволов были глубоко изрыты мрачными пещерами, скрывавшими в себе бесчисленное множество крошечных животных, которые среди перламутра и ярко-красного коралла казались драгоценными алмазами в дорогом уборе. Эти-то крошечные животные полипы — и были истинными создателями этого роскошного и оригинального подводного парка. Чем далее углублялись мы по извилистым аллеям кораллового сада, тем более величественные и грандиозные картины развертывались перед нами. Столбы и колонны принимали все большие и большие размеры: арки, портики, балюстрады встречались почти на каждом шагу и вместе с искусственными беседками, созданными обитателями Марса, чередовались самым причудливым образом, соперничая в красоте с творениями разумных существ. Тут и там гигантские ветви коралловых

деревьев, переплетаясь в сетку, образовывали над нашими головами чудные своды. И везде была гармония, ни одной резкости, ни одной неправильности...

В некоторых местах этого сада открывались площадки, на которых были разбиты марсианами цветники с роскошными и оригинальными цветами, обсаженными разнообразными растениями. Вообще же, нужно сказать, что подводная флора на Марсе была очень похожа на флору наших морей и океанов. Здесь, среди густых кустарников ламинарий, поднимались цилиндрические, суставно-стручечные растения, покрытые прозрачную слизью, похожую на хрустальный покров. Там хандрозы распускали свою широкую листву, казавшуюся вырезанной из розовой тафты с фантастическими узорами. Тут аманзии расстилали свои чудесные, точно сделанные из кружев, сети; а клавдеи — свои перепончатые разветвления, имевшие вид притупленных серпов. По густым кустам этих растений цеплялись маслянистые цилиндры лучицы, издали похожие на длинные четки с огромными зернами, а хардарии переплетали своими перламутровыми, хрящеватыми нитками стебли фукусов, на которых тысячи уксучников открывали свои изящные зонтики.

Однако не одна подводная флора, но и фауна была здесь не менее оригинальна и не менее прелестна. Повсюду в этом волшебном саду и его аллеях и галереях виднелись различных форм зоофиты, анемоны, моллюски, равно, как акиды и самые любопытные рыбы. Здесь было царство всех лучистых, имевших, как сказочные заколдованные богатыри, голову и туловище животных, а ноги каменные. Морские анемоны далеко распускали свои длинные усы, испещренные самыми яркими цветами, красуясь в коралловых углублениях, наподобие чудных цветков в больших корзинах. Гвоздичные и ветвистые каменные полипы простирали свои тысячи рук во все стороны, а сетчатковые полипы покрывали своими кружевными сетками массы губок, морских кожур и астрей, и всюду виднелись общины зимородок

и горгон самых разнообразных цветов, гордо распускавших свои роскошные веера.

Водя меня по аллеям этого заколдованного парка и давая объяснения, Либерия, между прочим, сказала:

— Все эти неподвижные массы живых цветов, которые вы теперь видите перед собой, по временам вдруг как бы просыпаются от своего чудного сна. Неведомые чары, держащие их в своей власти, разрушаются, и все эти существа оживают и начинают двигаться. Тогда со всех сторон сверкают яркие лучи, и повсюду блещет фосфорический свет. Но в особенности волшебную картину представляет этот заколдованный сад в некоторые тихие летние ночи. Тогда на морской глубине зажигается такое же бесчисленное множество звезд, как и на небе. Голубоватые эквореи и медузы распускают свои зубчатые зонтики и начинают беспечно разгуливать по волнам; морские ежи и звезды усыпают своими иглами коралловые постройки и морское дно, и весь этот подвижный мир волнуется и живет, и словно соперничает со звездами неба, засыпая только с наступлением дня...

Когда мы осмотрели наиболее достопримечательные диковинки этого своеобразного сада, Либерия ввела меня в одну из беседок.

— Я думаю, что до завтрака успею еще дать вам общие сведения о нашем марсианском языке, который вам необходимо изучить, прежде чем мы отправимся в кругосветное путешествие. Мама, завтрак ведь еще не готов? — обратилась она вдруг к одной из колонн беседки, дотронувшись до нее хоботом.

— Через полчаса будет готов, — послышался откуда-то голос г-жи Пакс.

Я широко раскрыл глаз от удивления, слыша Либерию, разговаривающую с колонною. Но оказалось, что в этой колонне был запрятан телефон, и таким образом дело объяснялось очень просто.

— Полчаса нам будет совершенно достаточно для первого урока. Итак, приступим к делу, — сказала Либерия. <..>

Чтобы не терять времени, тотчас же после завтрака мы с Либерией уединились в один из гротов подводного сада, и она стала читать и объяснять мне смысл корней интернационального марсианского языка. К вечеру следующего дня наша работа была окончена, и Пакс, усыпив меня, сделал мне соответствующие внушения, после чего я стал так же свободно владеть их языком, как любой марсианин.

После этого решено было, что мы завтра же отправимся в наше кругосветное путешествие.

— Мне предстоит еще решить довольно щекотливый вопрос, — сказал я, между прочим, Паксу, когда речь зашла об этом путешествии. — Дело в том, что, отправляясь сюда, на Марс, я не мог, конечно, захватить с собой ни копейки денег, а между тем ведь придется тратиться на необходимые средства для существования. Как тут быть? Я не могу даже у вас занять, так как не вижу никакой возможности когда-либо расквитаться с вами.

— Относительно этого вам совершенно не к чему беспокоиться. Ведь вы будете удовлетворять потребностям не своего организма, а организма моего сына. Стало быть, о ваших издержках должны позаботиться уже мы. Впрочем, вы кстати напомнили про это обстоятельство. Вам надо будет захватить жетон моего сына.

— Что это за жетон? — полюбопытствовал я.

— А это особый значок, который дает право его обладателю получать все необходимое из наших общественных магазинов даром. Мой сын пользуется этим правом по высшему разряду, и вы не будете терпеть недостатка ни в чем...

VIII

Итак, утром на следующий день, попрощавшись с Паксами, мы с Либерией отправились в путь. Еще накануне Пакс телефонировал в ближайшее учреждение, чтобы нам доставили к восходу солнца двухместный экипаж на поверхность моря.

Выйдя из жилища Паксов уже известным способом, мы с Либерией начали подниматься к поверхности воды почти в вертикальном направлении, работая своими перепончатыми конечностями и хвостами, и скоро очутились на свежем утреннем воздухе.

Утро было чудное. Янтарная гладь безбрежного моря терялась вдали горизонта, а на востоке на небе горело пламенное, только что взошедшее небесное светило, казавшееся здесь несколько меньшим, чем на Земле.

— А вот и наш экипаж, — сказала Либерия, указывая головой на плававшего неподалеку от нас огромного белоснежного лебедя. — Плыдем к нему!

Я был очень удивлен как тем, что на Марсе оказалась такая же порода птиц, как и на Земле, хотя и несравненно больших размеров, — так еще более тем, что нам придется путешествовать, как в сказке, на спине лебедя. Однако, подплыв ближе, я увидел, что эта птица была не живая, а искусственная, сделанная из какого-то металла, вроде алюминия.

— Следуйте за мной! — сказала Либерия, подныривая под лебедя и взбираясь внутрь его по небольшой лесенке, оказавшейся под ним. Внутренность искусственной птицы представляла крошечную каютку с двумя складными мягкими креслами, которые, по желанию, легко могли быть превращены в удобные постели. Эта каютка оказалась снабженной разными съестными припасами, прохладительными напитками и другими, необходимыми для путешествия предметами.

Когда мы сели, Либерия подняла лесенку, нажала какую-то кнопочку, и наш лебедь плавно и быстро помчал нас по янтарным волнам моря.

— Это море, по которому мы сейчас плывем, самое большое на Марсовом шаре, — сказала Либерия. — Обсерватория моего отца находится приблизительно почти на самой его середине. Это то самое море, которое ваши астрономы называют *Mare erythreum*. Сейчас мы едем на юг, по направлению к тому месту материка, где находится канал, называемый вашими астрономами *Euphrates*, а отсюда все время будем держать путь

прямо на запад, обогнем весь Марс и, наконец, посетим Lacus Solis — озеро Солнца.

Очувтившись среди этого необъятного простора, при таких исключительных условиях вдвоем с глазу на глаз с юной, но безобразной марсианкой, я невольно подумал о том, как было бы хорошо, если бы вместо моей спутницы со мною была здесь моя возлюбленная, оставленная там, далеко, на Земле!

— А я знаю, о чем вы думаете в эту минуту! — сказала Либерия. — Вы мечтаете о том, что хорошо было бы, если бы вместо меня сидела здесь с вами какая-нибудь земная красавица. Сознайтесь, ведь я угадала?

Я был порядочно удивлен проницательностью обитательницы Марса и откровенно сознался ей, что ее догадка верна.

— Ну, вот видите, я ведь не так уж глупа, как вы, вероятно, обо мне думаете, и, пожалуй, даже и не так и скучна, чтобы со мной неинтересно было путешествовать. Давайте-ка, поболтаем о чем-нибудь. Ну, хоть о любви. Я думаю, в нашем положении, в положении двух молодых существ разного пола, очувтившихся наедине, не может быть более подходящей темы для разговора, как о любви.

Я едва не расхохотался, — дотога мне показалась забавной мысль говорить, да, пожалуй, еще в сентиментальном тоне, с Либерией на тему о любви. До сих пор я как-то даже совершенно позабывал, что она другого пола.

— Ведь вам, конечно, интересно знать, как мы, марсиане, смотрим на этот предмет? — добавила она.

«В самом деле, — подумал я, — она права. Это любопытно: как эти существа смотрят на любовь? И даже способны ли они на это нежное чувство?»

— Да, — сказал я, — для меня было бы очень желательно знать, как марсиане относятся к этому, весьма важному у нас, на Земле, вопросу.

— Чтобы мы могли понимать друг друга, — заметила Либерия, — определите мне прежде всего: что такое, по-вашему, любовь?

— Но вы задаете такой вопрос, на который вовсе не так легко ответить, как кажется; любовь, в сущности — мечта, иллюзия; это призрак, сотканный из тончайших нитей нашего чувства и нашего воображения, призрак, настолько нежный и чувствительный, что как бы деликатно мы ни подходили к нему со своим анализом и со своими исследованиями, сущности его мы никогда не узнаем; своими исследованиями мы его только изуродуем, обесформим, и от него, в конце концов, ничего не останется, кроме грубой действительности, кроме той любви, какая существует и у всех других животных.

Либерия расхохоталась.

— О, да вы, я вижу, поэт! Только знаете, что я вам скажу? Ваше определение любви ровно ничего не говорит. В самом деле, — продолжала она, принимая меланхолический тон, — как это странно! Совершенно естественную потребность люди облекли в какую-то мистическую оболочку и упрямо стараются закрывать глаза на истину только потому; что эта истина кажется им отчего-то некрасивой, и им приятнее окружать ее таинственным ореолом...

IX

...К полудню, когда солнце на небе начало довольно чувствительно припекать, Либерия нажала какую-то кнопочку у нашего электрохода, и наш лебедь вдруг, к моему удивлению, нырнул в глубину моря, и мы понеслись под водой.

— Как?! — вскричал я, увидав на дне моря оригинальное, встретившееся нам здание, напоминавшее собой древнюю индийскую пагоду, с ярко-белыми, по-видимому, мраморными, башенками и колонками. — Как? Значит, и дно морей на Марсе также населено марсианами?

— Ну да, разумеется. Неужели вы думали, что наш подводный домик единственный в своем роде?

Действительно, чем дальше мы плыли, тем все чаще и чаще стали встречаться нам подводные марсианские жилища, многие из которых имели очень странную архитектуру, совершенно не известную у нас на Земле.

Какие роскошные панорамы, какие оригинальные пейзажи открывались перед нашими глазами! То мы неслись над высокими горами с глубокими пропастями, поросшими никогда не виданными мною гигантскими водорослями, среди которых плавали морские чудовища, то проплывали над прекрасно обработанными равнинами, засеянными какими-то морскими растениями, употреблявшимися марсианами в пищу.

Я заметил, между прочим, что по дну моря часто тянулись в разных направлениях какие-то прямые, как натянутые струны, трубы, терявшиеся вдали. Раз мы проплывали очень близко около одной из этих труб, имевших несколько сажен в диаметре.

— Что это за сооружение? — спросил я у Либерии.

— А это наши железные дороги. Внутри этих массивных цилиндров ходят особые, герметически закупоренные вагоны. Они приводятся в движение сжатым воздухом и летят с быстротою пушечного ядра. По этим дорогам можно сделать кругосветное путешествие всего в несколько часов.

— Отчего же мы не по такой дороге отправились в наше путешествие?

— Но по этим дорогам обыкновенно возят только предметы потребления, которыми снабжается наш общественный организм, из тех пунктов, где они производятся; да иногда ездят по ним рабочие, которым необходимо спешить к месту работ. Все же, кому особенно торопиться некуда, избирают другого рода передвижения. Если бы мы отправились в одном из этих металлических цилиндров, мы совсем ничего не увидели бы, кроме внутренности вагона, имеющего форму ружейной пули. Тогда как путешествуя на этом лебеде, мы имеем полную возможность осмотреть все, что достойно внимания, и можем ехать, куда нам угодно, в любом направлении.

К вечеру, когда жар спал, мы снова вынырнули со дна моря на поверхность и поплыли на открытом воздухе.

Но вот солнце погрузилось в воды моря, и только розовые отблески вечерней зари освещали собою безбрежную гладь янтарных волн. Наступила ночь. На небе зажглись две луны: одна, в виде узкого серпа, взошла с той стороны, где исчезло солнце, а другая, в виде полукруга, была уже довольно высоко на восточной стороне неба. Сравнительно с нашим ночным светилом, обе они были очень малы и скупо изливали свой слабый сверкающий, серебристый свет на нас и окружавшее нас море. Первая, западная, луна была раз в пять меньше нашей земной, но все-таки раза в три больше своей восточной подруги, бывшей величиною в серебряный рубль. Но для меня было всего изумительнее то, что западная луна двигалась по небу так быстро, что движение ее было ясно заметно для глаза, точно она бежала бегом, торопясь поскорей встретить свою приятельницу на востоке. Вскоре в погасающих лучах вечерней зари показалась еще как бы третья луна, или, вернее, очень яркая звезда. Она была несравненно меньше двух предыдущих и не представляла даже заметного диска, хотя блеск ее был очень силен.

— А вот и ваше отечество — Земля, — указала Либерия своим хоботком на эту яркую звездочку.

Да, это была наша Земля, наша милая Земля, лучезарно сиявшая в вечернем сумраке, подобно Венере наших небес в весенние вечера. Я молча смотрел на нее и думал о том, как неизмеримо далеко отстоит от меня теперь этот, кажущийся отсюда столь крошечным атомом, Земной шар с его многомиллионным населением, вечно волнующимся, вечно озабоченным, вечно враждующим, вечно истребляющим себя в беспощадной борьбе за существование.

— Скоро материк, — прервала мои размышления Либерия, внимательно посмотрев на инструмент, определявший широту и долготу местности. И она снова нажала другую кнопку у нашего электрохода, и вдруг наш лебедь, расправив крылья, взмахнул ими и поднялся высоко на воздух. Я

не ожидал,, что наша металлическая птица способна не только плавать и нырять, но также и летать, и дотого был изумлен, что даже вскрикнул от неожиданности.

— Ага, испугались! — засмеялась моя спутница: — Я нарочно приберегла этот сюрприз до вечера. Посмотрите, не правда ли — красиво?

Действительно, трудно было себе представить что-либо более эффектное и захватывающее дух, как этого лебедя, несущегося вместе с нами по воздуху, ночью, среди совершенно незнакомой мне обстановки, под новыми для меня небесами, откуда слабо светили две крохотные луны и мерцали совершенно иные, чем на Земле, звезды. На юге, куда мы летели, обрисовывались во мраке спустившейся ночи неясные очертания берегов. Это был материк, но за наступившей темнотой было трудно разглядеть на нем что-либо более ясное и определенное. Мы быстро приближались к суше.

Вдруг над материком, высоко, под самыми облаками, ярко вспыхнул блестящий огненный шар, и все окрестности осветились, как днем.

— Что это такое? — вырвалось у меня невольное восклицание.

— Это электрическое солнце, — ответила Либерия. — Вы знаете, у нашего Марса нет такого спутника, как ваша луна, которая светила бы нам ночью, а те две крохотные луны, что вы видите на небосклоне, дают очень мало света, да и появляются они на горизонте на очень короткое время, и таким образом мы принуждены пользоваться искусственным освещением для наших ночей. Это, может быть, не так поэтично, но тем не менее весьма красиво. Не правда ли?

— Но как они устраиваются, эти электрические солнца? Ведь они находятся где-то на недосыгаемой высоте, под самыми небесами?

— Устройство их незамысловато. Пускается большой воздушный шар, прикрепленный к Марсу особым шнуром, способным проводить электрический ток. Шар этот снабжен целой системой электрических лампочек и громадным рефлектором, отражающим свет от них на землю. По шнуру пускается электрический ток, зажигающий лампочки, — вот и все.

Вскоре за появлением первого электрического солнца вспыхнуло в другом месте второе, затем третье, четвертое, — и повсюду над материком, куда только хватал глаз, зажглись эти искусственные солнца, висящие в небесах, точно огромные паникадила под неизмеримыми сводами величественного храма.

Море осталось уже позади, и мы пролетали над сушей. Под нашими ногами расстилалась обширная равнина, покрытая то густолиственными лесами, то цветущими возделанными полями и лугами. Там и здесь виднелись одинокие, очень причудливой архитектуры строения, замки, дворцы, башенки и прочее, но, к моему удивлению, на всем пространстве, куда только хватал глаз, нигде я не видал ни одного городка или даже хотя бы деревушки, несмотря на то, что, судя по очень часто встречавшимся одиночным зданиям, местность должна была быть густо населенной.

— А где же ваши города и села, Либерия? — спросил я у своей спутницы.

— У нас нет ни городов, ни сел, ни вообще скученности населения. Этот антигигиенический способ поселений вывелся у нас уже целые тысячелетия тому назад, потому что в нем давно уже исчезла всякая надобность. Люди на Земле теснятся в селах и душных городах, прежде всего, в видах большей безопасности, затем потому, что при скученном населении представляется более удобств для быстрых взаимных сношений, необходимых в повседневной деловой жизни; а чаще всего, по рутине, по привычке, по любви к стадности. Наши же пути сообщения и способы передвижения так прекрасно устроены, что мы можем очень быстро и легко сообщаться с самыми отдаленными местностями, а все наши жилища соединены посредством подземных и подводных труб с общественными складами и магазинами и снабжаются всем необходимым автоматически, по желанию, подобно тому, как жилища ваших городов снабжаются водою и газом или электричеством посредством водопроводных труб и кабелей.

Таким образом, нам нет никакой надобности жаться друг около друга в тесных и душных больших городах и селениях.

Пока мы пролетали над морем, нам только изредка встречались воздухоплавательные снаряды; но теперь, когда мы летели над материком, в воздухе то и дело мелькали, словно светящиеся бабочки, различных форм и величины воздушные экипажи, по своему наружному виду напоминавшие собой то наших земных птиц, то птиц никогда не виданной мной формы, вероятно, марсианских или иных каких-либо планет. Но между искусственными птицеобразными аэропланами встречались иногда, с сидками на спинах, и живые ручные птицы, вроде той двухглавой, на которой я видел в первый раз прилетевшего Пакса. .

Волшебную картину представляли из себя все эти беззвучно и плавно реющие в вечернем воздухе и, подобно огромным светлякам, испускавшие снопы электрического света удивительные аэропланы. Из долин и садов, расстилавшихся внизу, под нами, распространялись чудные ароматы благоухающих цветов; и отовсюду с аэропланов неслись тихие, гармонические мелодии, — то меланхолические, то жизнерадостные, — наполнявшие атмосферу чарующими звуками, полными "радостей жизни.

Вдруг над этой мирною долиною раздался чей-то мощный возглас, покрывший собою все остальные звуки и, казалось, наполнивший, собою все необъятное пространство. Смысл этого возгласа означал призыв к вниманию и соответствовал нашему — *silence* (тише)!

В тот же миг все посторонние звуки смолкли, и аэропланы как бы повисли на воздухе и начали реять на одном месте в ожидании чего-то особенного.

Либерия заставила парить в воздухе также и нашего лебедя.

— Сейчас будет концерт! — шепнула она мне..

В тот же момент из глубины равнины послышалось чье-то громкое пение, раздавшееся подобно раскатам грома и шедшее все *crescendo* и *crescendo*. Удивительно чудный, приятный, густой и могучий голос, точно

какой-то властной силою, овладел сердцами всех слушателей и, как чародей-волшебник, начал безраздельно властвовать над настроением очарованной аудитории. Казалось, это был голос самой природы. Он то исторгал у слушателей слезы умиления и жалости, то заставлял усиленно биться их сердца в надежде на что-то неизведанное, но бесконечно прекрасное, то потрясал их ужасом перед необъятною бездною бесконечного, то заставлял радоваться и наслаждаться сознанием настоящего.

Притаив дыхание, изумленный и очарованный, сидел я возле Либерии, не смея пошевелиться, словно боясь, чтобы неосторожным вздохом или движением не разрушить этого волшебного очарования.

Песня смолкла, и звонкое эхо от ее последних аккордов замерло вдали, переливаясь, подобно раскату грома. Наступил момент как бы всеобщего оцепенения у очарованных слушателей, — и вдруг со всех сторон раздались бурные возгласы и выражения восторга, переполнявшего сердца публики. Отовсюду слышались крики, соответствующие нашему «браво» и звонкое шлепанье хвостами по бедрам, заменявшее наше хлопанье в ладоши. Но все эти бурные выражения восторга по сравнению с силой голоса певца были столь же слабы, как пение мириадом комаров перед рычанием льва.

— Либерия, скажите мне, кто это пел? Ведь это, без сомнения, не обитатель Марса? — обратился я к своей спутнице, уверенный, что ни одно живое существо, даже и на Марсе, не могло обладать таким изумительно сильным и чудным голосом.

— Это пел наш знаменитый певец, умерший около 200 лет тому назад, — ответила Либерия.

— Вы бредите? — воскликнул я, думая, что чудное пение в самом деле заставило молодую марсианку бредить. — Как — умерший, когда мы его только что слышали?

— Ну что ж из этого? Эта песня воспроизведена фонографом.

— Фонографом?! Но неужели у этого певца был действительно такой сильный голос, что его можно было слышать за десятки верст?

— Конечно, нет. У него голос был обыкновенный, но наши усовершенствованные фонографы, при помощи особенных резонаторов, могут усиливать обыкновенные звуки в произвольное число раз. Сейчас будет хоровая песня, и если вы хотите, то мы подлетим к зданию оперы и посмотрим также и на певцов, — предложила Либерия.

Я, конечно, изъявил согласие, и мы быстро стали спускаться к земле, к тому месту, где виднелось здание оперы. Это здание напоминало древнеримский цирк. Сцена была устроена на открытом воздухе, и места для публики были расположены вокруг нее амфитеатром. Здание было огромное, массивное, прекрасной архитектуры и могло вмещать десятки тысяч зрителей. Мы не спустились совсем на землю, а остановились на своем лебеде несколько поодаль от театра, против сцены, поместив свой аэроплан в ряду других аэропланов со зрителями, предпочитавшими вместо того, чтобы занимать места в театре, парить перед сценой в воздухе. Либерия достала в одном из ящичков, бывших на нашем аэроплане, два оптических инструмента, нечто вроде биноклей, и подала один из них мне. Я навел свой инструмент на сцену и увидел, что певцы уже начали строиться в ряды, а хор музыкантов с какими-то неизвестными мне инструментами уже давно ожидал сигнала.

Но вот раздалось и пение. Это было нечто неподдающееся никакому описанию. Казалось, тут пели и трубили сами ангелы в день Страшного суда; но только это пение и эти трубные звуки не были грозными и устрашающими, а напротив, поднимали бодрость и точно пробуждали к какой-то новой жизни. Весь воздух, вся атмосфера равнины то плакали и стонали под этими фантастическими звуками, — то радовались и ликовали, словно торжествуя победу света над мраком, разума над невежеством. Это пение произвело на меня дотого потрясающее впечатление, что я не выдержал и попросил Либерию увезти меня отсюда, иначе мне казалось, что мои нервы должны лопнуть.

Снова наш лебедь взвился под небеса, и мы снова помчались в глубь континента, далеко от этого волшебного театра.

— Я не понимаю, — сказал я, несколько оправившись от только что пережитых впечатлений, — вы говорите, что первое пение было воспроизведено фонографом с усиливающим звук резонатором, но почему же голоса этих певцов и инструменты этих музыкантов звучали так же сильно, как и голос первого певца?

— Да ведь эти певцы тоже несовременные; они жили еще в начале прошлого столетия, а теперь уже давно ни одного из них нет в живых.

— Что вы говорите? — воскликнул я. — Или вы принимаете меня за ребенка, которого можно уверить в чем угодно? Как — неживые, когда мы их только что видели и слышали?

— Это ровно ничего не значит. Здесь мы видели только соединение кинематографа с фонографом. Певцы на этой сцене были только тенью певцов, когда-то живших на свете. Их изображение было запечатлено кинематографом и посредством целой системы зеркал отражено на сцене театра, а пение и музыку воспроизводил фонограф.

— Но разве у вас нет живых, современных певцов?

— Как нет! Но они не выступают перед аудиторией иначе, как только тогда, когда их пение записано фонографом и усилено резонаторами. Обыкновенное пение не производит того эффекта, какой производит искусственно воспроизведенное, подобно тому, как необработанный алмаз не дает той игры, какую дает искусственно отшлифованный. Но вы заметьте, — продолжала Либерия, видя мое изумление, — так как при помощи наших усовершенствованных кинематографов и фонографов мы можем видеть и слышать все, что делается в любом пункте нашего Марсова шара, то наши выдающиеся певцы, артисты, ораторы, декламаторы и тому подобные лица имеют возможность выступать сразу перед всем населением Марсова шара и быть слышимыми и видимыми разом во всех концах его, а это, в свою очередь, дало нам возможность устроить наши театры и публичные

аудитории совсем на иных началах, чем у вас. Концерт, который мы только что слышали, слушался также и на других пунктах Марса, всюду, где только есть общественные здания для театра. Но мало этого, этот концерт мы могли слушать даже и у нас, в нашем подводном домике, — стоило только отвернуть акустическую трубу, соединенную с телефонными проволоками, и фотофонную трубу, в которую можно видеть все, совершающееся на сценах, находящихся на расстоянии многих тысяч верст.

Х

Вскоре мы увидели вдали громадное, прекрасное здание с большими, освещенными изнутри электричеством окнами. На вершине этого здания стояла белая статуя, изображавшая собою земную женщину, державшую на руках ребенка. Оригинальную особенность этой статуи составляло то, что из глаз ее лились волны электрического света от заключенных внутри электрических лампочек, освещавших довольно значительное пространство вокруг, что было чрезвычайно эффектно: казалось, эта статуя была живой, одушевленной.

Мы быстро приближались к зданию, оказавшемуся одним из общественных детских приютов. По ту и другую сторону главного корпуса были расположены два длинных флигеля: — один — окрашенный в синий цвет, другой — в голубой. Это были две гостиницы — первого и второго разряда, в которых жили наблюдавшие за приютом, а также останавливались и все приезжающие. Приют находился всецело в заведовании женщин, мужчины являлись здесь лишь случайными посетителями и гостями.

Наш лебедь плавно опустился перед входом в гостиницу первого разряда, и, оставив свой электролет у крыльца, где стояло много и других подобных экипажей, мы вошли внутрь здания и направились вдоль длинного коридора, по обеим сторонам которого были расположены номера. Заняв один из этих номеров, состоявший из двух спален и общей столовой, мы сели ужинать. Над столом висело меню, и против каждого названия кушанья была

особая электрическая пуговка, которую стоило только надавить, как на столе появлялось желаемое блюдо, точно на сказочной самобранной скатерти.

Переночевав в гостинице, поутру мы отправились осматривать виденный нами накануне приют. Здание было двухэтажное, причем, верхний этаж назначался для маленьких. Там мы увидели великое множество этих крохотных созданий, за которыми наблюдал целый штат. Кучи детей, под надзором своих воспитательниц, водили хороводы, пели и резвились на открытом воздухе, на лужайке, в аллеях сада, разбитого около здания.

Воспитание у марсиан обычно ведется так. Когда ребенку исполнится четыре года¹, его переводят в первоначальную школу, где он находится до восьмилетнего возраста. Эти школы-пансионы находятся где-нибудь в живописной местности, чаще всего на берегу моря, и вся жизнь детей здесь состоит обыкновенно из непрерывных забав, игр и удовольствий. Но в то же время, вместе с обучением хороводам, пению, танцам, гимнастике, плаванию и прочему, их шутя и незаметно выучивают чтению, письму, первоначальным правилам математики, дают общие сведения из естественной истории, географии, астрономии и т. д. Система воспитания у обитателей Марса так поставлена, что ребенку нет никакой надобности напрягать свою память и утомлять свое внимание, а все сведения он получает непосредственно из наглядных предметных объяснений, которые даются так интересно и общепонятно, что воспитателям приходится скорее сдерживать старание детей все себе усвоить и понять, чем побуждать их к этому. Нужно еще заметить, что так как не все дети одарены одинаковой быстротой соображения и запоминания, то в деле воспитания на индивидуальные особенности ребенка обращается самое главное внимание, и во всех школах, как низших, так и средних, имеются по несколько параллельных отделений, в каждом из которых помещаются дети с более или менее одинаковыми

¹ Нужно заметить, что год на Марсе имеет не 365 дней, а 687, чуть не вдвое длиннее земного; причем, день равен 24 часам 37 минутам 23 секундам.. Средняя жизнь марсианина достигает до 100 марсовых лет, т. е. равна чуть не двум нашим столетиям. Здесь имеется в виду год марсовый, а не земной.

способностями и складом ума и характеров, и где преподавание ведется хотя по одной и той же программе, но различно, применительно к индивидуальным особенностям детей. Для лучшего же укрепления в памяти уже воспринятых идей и знаний прибегают иногда и к искусственным мерам — посредством гипнотического внушения. Впрочем, эти внушения делаются только в исключительных случаях, так как замечено, что они иногда вредно отзываются на правильном умственном развитии у совершенно нормальных и здоровых детей.

С 8 до 12-летнего возраста дети обучаются в первоначальных, общеобразовательных школах, причем, мальчики уже воспитываются отдельно от девочек. В этих школах дети более подробно знакомятся как с общеобразовательными, гуманитарными науками, так и прикладными, а равно и с устройством наиболее простых машин и с работой на них. Машин, как увидим впоследствии, играют у марсиан первостепенную роль в их жизни, а потому и знакомство с ними у них начинается еще с детского возраста. Нечего и говорить, что и в этой общеобразовательной школе вся система школьного обучения направлена к тому, чтобы возбудить в детях любознательность и побудить их к самостоятельному дальнейшему развитию и самосовершенствованию. Здешние школьники, от времени до времени, под руководством своих воспитателей предпринимают различные экскурсии, а во время каникул или гостят у своих родителей или вместе с ними путешествуют по разным странам.

После первоначальной школы дети переходят в среднеобразовательную, где остаются от 12 до 18 лет. В этих школах, кроме общеобразовательных наук и искусств, они изучают основания всех главнейших ремесел, как теоретически, так и практически. Невежество в знании ремесел и умении управлять машинами считается у обитателей Марса недостойным званием свободного гражданина, и потому на изучение их они обращают самое главное внимание. С целью лучшего ознакомления на месте с разнообразными фабриками и заводами, воспитанники этой школы часто

путешествуют под руководством своих преподавателей по всему шару Марса и приобретают навык и опытность в практической жизни. При выходе из этой школы, в 18 лет, уже вполне определяются индивидуальные особенности и характер будущего гражданина, а равно становится более или менее очевидным, к какого рода дальнейшей деятельности он наиболее склонен и способен, т. е. преобладает ли в нем стремление более к умственным занятиям и отвлеченным наукам или же к практической работе и наукам прикладным. Сообразно с этими наклонностями юноша и избирает себе специальность, так как период от 18 до 23 лет посвящается исключительно изучению тех или иных специальностей.

По выходе из общеобразовательной школы каждому юноше дается свидетельство, где перечислены все те работы и ремесла, которые изучены им в совершенстве и на которые он вправе рассчитывать, чтобы они были ему доставлены немедленно же, по первому его желанию, везде, на всем - Марсовом шаре, где только производятся эти работы. По окончании же высшего, специального образования каждый получает соответствующую его специальности ученую степень, которая дает ему право также везде на занятие той или иной должности по своей специальности.

Таким образом, школьная жизнь, где воспитанники получают все необходимое, является одним из лучших периодов жизни марсианина, так как вся она представляет почти непрерывный ряд наслаждений, получаемых как от прекрасно организованных школьных развлечений и порядков, так и от приобретения все новых и новых знаний.

В 23 года образование марсианина считается законченным, и с этих пор начинается его гражданская жизнь.

Воспитание девушек у обитателей Марса несколько иное, чем воспитание мальчиков, что и понятно, так как натура мужчины и женщины во многом различна; и девушки кончают у них свое образование несколько раньше, чем юноши, потому что у марсиан, как и у людей на Земле,

женщины созревают вообще скорее мужчин. Именно — образование девушек кончается к 20 годам.

Сообразно различию мужской и женской организации и характеров, женщинам присвоены, по издавна укоренившемуся обычаю, известного рода работы, наиболее соответствующие их полу. И как ни один мужчина не решится никогда браться за такую работу или такое занятие, которое составляют привилегию женщин, так и ни одна женщина не позволит себе домогаться мужской работы. И это не в силу каких-либо законов или постановлений, а просто потому, что считается неприличным, не принятым как с той, так и с другой стороны, как, например, у нас считается, или, по крайней мере, считалось раньше, неприличным мужчине сидеть за прялкой, а женщине колоть дрова или ходить на войну.

Все эти сведения о воспитании детей я получил отчасти из личных наблюдений, отчасти из рассказов и объяснений Либерии. К другим марсианкам я не решался обращаться с вопросами из опасения, что меня или примут за феноменального невежду, или заподозрят истину, и тогда я буду поставлен в очень неловкое положение, так как обращу на себя всеобщее внимание.

XI

Осмотрев приют, мы возвратились к себе в гостиницу, чтобы пообедать. Занимаемый нами номер был уже тщательно убран; но во все время нашего пребывания здесь мы в глаза не видали никакой прислуги. У марсиан применение различных машин доведено до удивительного совершенства, и всюду, где только можно заменить работу разумного существа автоматическим механизмом, — это сделано. Уборка комнат в гостиницах, даже постелей, — делается автоматически, полы чистятся автоматически — посредством пуска струи воды, смывающей и уносящей всякий сор и грязь; обеды, как я уже сказал, тоже подаются автоматически; если вам что-либо нужно достать, чего нет в гостинице, вы говорите по телефону в ближайшее бюро, и требуемая вами вещь, точно по щучьему

велению, появляется на столе, передаваясь автоматически по трубам, действующим сжатым воздухом. Благодаря этому, всякая прислуга в гостиницах почти совершенно излишня. Никакой платы за пользование номером и обедами никто от нас не требовал, так как мы имели на груди значки, дававшие нам право на пользование всем необходимым безвозмездно. Я позабыл упомянуть, что у Либерии был также свой особенный значок. Она, как только что окончившая свое воспитание, имела право на эту льготу в продолжение года. Но, что всего удивительнее, никто даже и не проконтролировал наши значки: у обитателей Марса чувство чести и личного достоинства так высоко развито, что само собой предполагается, что никто не будет пользоваться тем, на что не имеет права, и всякий, уличенный в этом преступлении, тотчас же подвергся бы освидетельствованию своих умственных способностей, так как, по мнению марсиан, только больные и сумасшедшие могут злоупотреблять отсутствием контроля.

Мы пробыли здесь два дня и к полудню на третий снова сели в наш электролет и помчались далее на запад. Так как солнце начало припекать, то мы на этот раз поднялись высоко в верхние слои воздуха, где было не так жарко и откуда мы могли обозревать на огромное расстояние материк, расстилавшийся перед нами, и мне скоро стало понятно, почему планета Марс кажется нам с Земли красной звездочкой. Оказалось, что материк Марса в общем представляет из себя пустыню с бесплодной почвою ярко-красного цвета. Камни, песок, глина — все это на Марсе имеет ярко-красную окраску, подобно тому, как наши пустыни имеют темно-серый оттенок. Во всех направлениях эти огромные, пустыни прорезаны бесчисленным множеством искусственных каналов, которые одни только и оживляют почву там, где они ее орошают. Некоторые из этих каналов были громадны как по ширине, так и по протяжению, и, всматриваясь внимательнее, я скоро понял, почему самые большие из них кажутся нашим астрономам двойными. Дело в том, что среди бесплодных пустынь тянулись иногда широкие, отлогие

долины, имевшие в ширину по несколько сот верст. По обоим откосам этих долин на различной высоте был прорыт ряд совершенно параллельных, каналов, по которым текла вода, орошавшая откосы и середину долин посредством многочисленных канавок и ручейков, спускавшихся ко дну долины из главных каналов.

И если бы не эти плодоносные долины, да не некоторые цветущие, покрытые роскошной растительностью оазисы, орошаемые тоже искусственно, то поверхность планеты Марс представляла бы из себя совершенно безжизненную, мертвую и бесплодную пустыню.

— Либерия, а где же у вас реки? Я не вижу ни одной, за исключением этих искусственных каналов! — обратился я к своей спутнице, пораженный, столь невероятным у нас на Земле, совершенным отсутствием рек.

— У нас на Марсе рек нет совсем, — ответила марсианка. — Наша планета, как вы знаете, много старше вашей, — пояснила она, видя мое недоумение, — а вследствие этого она не так богата водой, как ваша Земля, хотя прежде на ней было сравнительно столько же воды, как теперь на Земле. Но мало-помалу, из века в век, часть дождевой воды проникала в глубокие слои почвы и не возвращалась уже более на поверхность. Она химически соединялась с горными породами и, таким образом, исключалась из атмосферного кругооборота. В настоящее время существующие моря у нас очень не велики, а вследствие этого они не дают настолько значительной массы водяных паров, чтобы последние могли соединяться в грозовые тучи и падать благодатным дождем на поверхность почвы и орошать ее, тем более, что атмосфера нашей планеты значительно реже вашей. У нас не бывает ни гроз, ни дождей, а те редкие туманы, которые иногда поднимаются со дна наших искусственных долин, недостаточны для того, чтобы служить орошением и оживлять наши пустыни. У нас почти вечно безоблачное небо. Поэтому на нашей планете не может быть и рек, которые только и могут питаться влагою, получаемую из атмосферы. Вот почему мы и принуждены прибегать для орошения и оживления наших бесплодных пустынь к

проведению искусственных каналов. Эти каналы начали соиздаться уже многие тысячелетия тому назад, еще в то время, когда даже и не было особенной надобности в искусственном орошении почвы на нашей планете. Они устраивались первоначально с целью уравнивать климаты разных стран и соединяли холодные моря с теплыми, вызывая таким образом круговращение в движении холодной и теплой воды. С течением времени постоянное движение воды по этим каналам из одного моря в другое расширило русла этих каналов до огромных размеров, по ширине иногда равных вашему Гольфштрому. Этому, равно как и прорытию каналов, много способствовало то обстоятельство, что у нас нет сколько-нибудь высоких гор, и все материки Марса представляют из себя почти совершенно плоские пространства: в течение ряда веков прежние дожди, снега, ветры, зимние морозы, летние жары и засухи разрушали постепенно горы и скалы, а потоки воды уносили их обломки в моря и мало-помалу возвышали их ложе; и у нас не стало более ни высоких гор, ни океанов, ни глубоких морей, а остались лишь внутренние или средиземные моря. И вот, когда течение воды из одного моря в другое превратило первоначально довольно узкие каналы в широчайшие русла, с течением времени, вместе с высыханием морей, эти русла начали также высыхать и превращаться в долины. Эти долины сделались бы со временем так же бесплодными, как и окружающие пустыни, если бы наши предки не стали их орошать искусственно: они прорывали, как вы видите, по откосам их ряд параллельных каналов, по которым течет вода, впускаемая в них из наших морей посредством огромных запруд и шлюзов во время весеннего таяния снегов на полюсах, когда уровень морей значительно поднимается. Без этих искусственных каналов поверхность нашей планеты давно уже представляла бы из себя или совершенно бесплодную пустыню или неподвижные массы кое-где оставшейся в морях воды. А теперь — видите вы это море, там, направо от нас? — указала она своим хоботком на расстилавшуюся вдали безбрежную массу вод. — Это не

море, это поле, искусственно затопленное водой для орошения. Когда шлюзы будут закрыты, вода спадет, и это море превратится в цветущее поле.

После такого объяснения мне стало ясно, почему наши астрономы видят иногда с Земли какие-то необычайные изменения на поверхности Марса, которые они объясняют величайшими геологическими переворотами и катастрофами, совершающимися на этой планете.

— Но это не все, что дают нам эти каналы, — продолжала Либерия. — Сила течения воды в них и в выходящих из них ручейках и потоках также утилизируется и, превращаясь в электричество, несет во все концы Марса свет, теплоту и движение-, заставляя работать тысячи машин и локомотивов на наших полях, фабриках и заводах, давая жизнь и внося оживление всюду, где только есть в этом надобность. Вода в этих каналах никогда не замерзает, даже и зимою, потому что посредством разных приспособлений, превращающих движение воды в них в тепловую энергию, тепла развивается настолько достаточно, что оно не дает воде покрываться льдом, и, таким образом, по этим каналам электроходство совершается круглый год.

Я взял бинокль и навел его на один из каналов. По всей его длине, в ту и другую сторону, плыли с чрезвычайной быстротой бесчисленные ряды огромных электроходов, нагруженных всякого рода предметами. Приводились они в движение подобно нашим электрическим железнодорожным вагонам; вся разница состояла только в том, что проводники электричества находились под водой и тянулись по всей длине каналов.

Но вот мы понеслись, казалось, над бесконечною пашней, цвет почвы которой был не черный, а также совершенно красный. Там и сям среди этой пашни блестели озерки, или, вернее, искусственные резервуары с водой, среди которых возвышались какие-то высокие каменные сооружения, нечто вроде водопроводных башен, с вершины которых падали каскады воды, приводившие в движение колеса. По всей же поверхности этой беспредельной пашни, еще недавно орошенной, бороздили бесчисленные

огромные плуги и бороны, взрыхлявшие почву и двигавшиеся, по-видимому, сами собой.

— Объясните мне, ради бога, Либерия, каким образом приводятся в движение эти плуги? — обратился я за разъяснением этой загадки к своей спутнице.

— А они приводятся в движение силою той воды, которая падает с высоты вот этих башен, — указала она на высокие башенки. — Движение воды при помощи динамо-машин превращается в электрическую энергию, которая передается по проволокам этим работающим плугам и боронам.

Всмотревшись внимательнее, я увидел, что по всему полю были протянуты ряды металлических проволок, вдоль которых и двигались работавшие земледельческие орудия.

— Но каким же образом вода-то накачивается снизу в эти башни с резервуарами? — полюбопытствовал я.

— Эту работу делает солнце, — ответила Либерия. — Посмотрите внимательнее на эти башни. Видите вы около них блестящие круги? Это зажигательные стекла, собирающие лучи солнца и нагревающие паровики у машин, которые приводят в движение насосы, накачивающие из находящегося рядом озера воду в резервуары башен.

«Однако! — подумал я. — Они даже и солнце ухитрились запрячь в плуг! Вот удивительные создания, для которых нет ничего запретного!»

Всюду, куда только я ни направлял свой бинокль, я видел, как копошились, точно муравьи, за работою марсиане, эти безобразные на вид, но высокоразвитые в умственном отношении существа. Там воздвигались какие-то непонятные мне сооружения, тут созидались новые каналы и проводились новые дороги; здесь засеивались с высоты электролетов только что обработанные поля. На берегах каналов производилась разгрузка и нагрузка электроходов. Словом — везде, во всех направлениях, за исключением бесплодных пустынь, кипела жизнь и работа...

XII

— Как жаль, что мы не захватили с собой на дорогу никаких книг для чтения. Или, может быть, у вас их совсем и не водится? — сказал я, желая переменить тему разговора.

— Как не захватили? С нами здесь целая библиотека,— вот она! — ответила Либерия, выдвигая один из ящичков, находившихся на нашем электролете, и указывая на целую кучу каких-то небольших валиков.— Писанных книг, к каким вы привыкли, у нас, конечно, нет, — прибавила она, — но живое слово самого автора, я думаю, гораздо интереснее и занимательнее мертвой книги.

— То есть, что вы хотите сказать? Ах, да! Вы, вероятно, сама писательница и хотите прочесть мне что-нибудь из ваших сочинений?

Либерия рассмеялась.

— О, какой вы наивный! Да нет же! Сейчас мы заставим прочесть нам свое последнее произведение одного из наших лучших современных поэтов.

И она заложила один из валиков в какой-то аппарат, оказавшийся фонографом, выдвинула две трубочки — одну перед собой, другую — передо мной — и попросила меня смотреть.

Я приставил глаз и с изумлением увидел совершенно живого марсианина, стоявшего в позе чтеца и развертывавшего какую-то рукопись.

Развернув рукопись, чтец совершенно ясным, громким и отчетливым голосом начал декламировать перед нами свое стихотворение. Оказалось, что этот аппаратик так искусно соединял в себе кинематограф и фонограф, что получалась полная иллюзия действительности: казалось, что среди нас очутилось новое третье лицо. Содержание стихотворения было довольно оригинально. Поэт брал сюжет не из прошлой и даже не из современной жизни, а воспевал будущее марсианства, он рисовал картину торжества марсианского гения, когда марсиане окончательно овладеют всеми силами природы, проникнут в сущность мировых законов, управляющих Вселенной, и сумеют подчинить их себе. Он изобразил смелую и грандиозную картину,

когда марсиане будут иметь возможность заставить свою планету носиться в мировом пространстве не по определенному пути, данному ей от начала мироздания, а по тому, какой ей укажет марсианский разум, и когда планета Марс, подобно блуждающим кометам, будет носиться среди других солнечных систем и проникать в самые отдаленные от нашего Солнца концы неизмеримого мирового пространства!

Когда поэт окончил чтение и, раскланявшись с нами, исчез, Либерия вставила другой валик, затем третий и т. д., и перед нами целою вереницей проходили, как живые, марсианские поэты, романисты, ораторы, певцы, танцоры и прочие, и прочие. Перед нами открывались даже целые сцены, и мы слушали и смотрели некоторые драматические произведения марсианских драматургов. Но для меня было совершенно неожиданным сюрпризом, когда Либерия показала мне в этом волшебном фонографекинематоскопе полностью трагедию Шекспира «Гамлет», исполненную нашими лучшими артистами. Оказалось, что марсиане каким-то образом сумели даже уловить и запечатлеть в свои инструменты и некоторые из наших земных пьес.

Таким образом, путешествие наше было поистине чем-то сказочным: все время мы находились в обществе лучших марсиан и лучших земных людей, как живых, так и умерших; и я скоро ознакомился со всеми наиболее выдающимися произведениями марсианской литературы.

Главное отличие марсианской поэзии от нашей заключалось, как я уже заметил, в том, что марсианские поэты черпали, в большинстве случаев, свое вдохновение не в прошлой или настоящей жизни, а в будущей, давая, таким образом, широкий простор своей фантазии. И нужно сказать, что подобные сюжеты производили чрезвычайно сильное впечатление на ум и чувство слушателей. Они являлись как бы пророчеством и поселяли у слушателей бодрость и веру в свои силы, они заставляли сердца их переполняться горделивым сознанием могущества их разума, они окрыляли их фантазию и возбуждали энергию и жажду деятельности и борьбы за торжество

марсианского гения. Словом — это был неиссякаемый источник живой воды, которым питалась поэзия марсиан.

Так, коротая время, мы подвигались все ближе и ближе к Озеру Солнца, где находилось Главное Центральное Статистическое Бюро. День за днем проходили совершенно незаметно. К ночи мы обыкновенно спускались на Марс, чтобы переночевать в какой-либо гостинице и запастись провизией для дальнейшего путешествия.

Я не буду описывать всех чудес и диковин, которые мне привелось видеть во время нашего путешествия; их было так много, что одно их перечисление заняло бы немало страниц.

От времени до времени мы спускались на Марс, чтобы осмотреть ту или иную достопримечательность, и в некоторых местах оставались по суткам и долее.

Находясь постоянно в обществе Либерии, я мало-помалу привыкал к ней, и меня уже перестало поражать ее безобразие. Она была чрезвычайно умной и даже остроум: ной марсианкой, и за безобразными внешними формами ее тела в ней чувствовалась чуткая и деликатная женская душа, притом юная и, по-своему, наивная,— а все это невольно заставляло меня позабывать о ее внешности и видеть одну только ее внутреннюю красоту. Да и самая внешность ее меня уже перестала отталкивать, я начал находить даже в самом ее безобразии свою оригинальную прелесть. Один обворожительный глаз ее, в котором, как в зеркале, отражалась вся ее душа, чего-нибудь да стоил! Когда она устремляла на меня этот глаз, полный неведомой мысли и неведомых чувств и желаний, по всему моему телу пробегал приятный трепет, и мне так и хотелось, чтобы она дольше-дольше смотрела на меня. Даже ее хвостик стал казаться мне уже только забавным, в особенности, когда во время разговора она начинала кокетливо им повиливать. Ко всему этому, не нужно забывать, что я и сам был точно таким же марсианином.

Путешествие наше продолжалось уже около месяца, и за это время у нас с Либерией всего только один раз вышла небольшая размолвка.

Однажды, во время одной из остановок, Либерия приобрела в общественном магазине какой-то аппаратик. Этот аппаратик состоял из целой системы проволок и стекол и прицеплялся к глазу. Либерия объяснила мне, что это психоскоп, и что при помощи этого инструмента можно читать чужие мысли.

Признаться сказать, сначала я довольно скептически отнесся к этому инструменту, полагая, что это просто какая-нибудь детская игрушка.

Но Либерия нацепила себе на глаз этот психоскоп и пристально уставилась мне в лицо. Вдруг она со страхом выронила инструмент из своих хоботков и отшатнулась от меня.

— Боже мой, какой вы злой, какой вы недоверчивый и трусливый эгоист! — прошептала она.

Я страшно смутился и растерялся от этого неожиданного вывода из ее наблюдений надо мной. Я действительно в это время думал: а что, если этот психоскоп — не игрушка, и моя спутница прочтет все мои затаенные мысли, которые я никогда и ни перед кем не хотел бы открывать? /

И мне вдруг стало и жутко и почему-то страшно стыдно. Я почувствовал себя точно совершенно голым в чужом присутствии.

— Либерия, ради бога, не смущайте меня! Уберите это дьявольское изобретение! Я сам откровенно сознаюсь вам во всех своих самых интимнейших мыслях, но только не подвергайте меня этой пытке. — почувствовать себя в вашем присутствии обнаженным! — взмолился я.

— Ведь вот что значит нечистая совесть! — грустно проговорила, успокаиваясь, Либерия. — Впрочем, простите; я вас не могу обвинять, —: тут виновато ваше земное воспитание: вас с самого нежного детского возраста приучают скрывать свои чувства и свои мысли и, таким образом, уродуют вашу нравственную натуру. И вот стоит только с фонарем заглянуть вам в душу, как вас тотчас же охватывает страх: вы боитесь, как бы там не открыли чего-нибудь некрасивого, такого, чего вы не хотели бы показывать, хотя, я уверена, и страх-то в большинстве случаев совершенно неосновательный.

— Но, Либерия, разве вам самой не было бы немножко жутко, если бы в вашей душе вдруг стали читать самые сокровенные ваши мысли? — сказал я.

— Мне? — удивилась марсианка. — Пожалуйста, сколько угодно. Мне, напротив, это доставило бы только одно удовольствие, потому что тогда я надеялась бы легче быть понятой без слов, которые часто неспособны выразить то, что мы хотели бы. Таить и скрывать мне нечего, потому что скрывают одни только злые и недоброжелательные мысли, а у нас, я ручаюсь, вы не найдете ни одного марсианина, который мог бы иметь такие мысли по отношению к своим ближним. Наши изобретатели заняты в настоящее время идеей усовершенствовать этот психоскоп так, чтобы он мог совершенно устранить всякую надобность в устной речи, — чтобы каждый, имеющий его, без слов мог понимать и без слов передавать свои мысли другим.

Желая узнать, каким образом психоскоп передает чужие мысли, я нацепил его себе на глаз и стал смотреть на Либерию. И странно! Я вдруг почувствовал, что мысли в моей голове начали тотчас же принимать другое направление, но я хорошо сознавал в то же время, что это новое направление моих мыслей возбуждается направлением мыслей моей спутницы. Очевидно, тут происходило нечто, подобное возбуждению электрического тока посредством индукции. В данный момент мысли Либерии были очень печальными.

— Милая Либерия, ради бога, не огорчайтесь! — прошептал я, отнимая от глаза психоскоп...

На следующий день мы завидели вдали Озеро Солнца, посреди которого находился остров, а на этом острове возвышался высокий искусственный холм, на котором стояло, блиставшее издали, величественное здание Главного Центрального Статистического Бюро...

XIII

Это здание Статистики представляло из себя в своем роде чудо марсианской архитектуры. Стены его были облицованы прозрачным камнем, вроде горного хрусталя или топаза; крыша была вычеканена из чистого серебра и, подобно горному снегу, блестела на солнце; фронтоны, карнизы и капители у колонн были из настоящего золота, а сами колонны у портика не то из яшмы, не то из малахита. Фрески и, барельефы на стенах были инкрустированы самоцветными камнями, и эта чудная мозаика горела на солнце тысячью разноцветных огней. (Благородные металлы на Марсе, как и на Земле, ценятся довольно дорого, так как и там они встречаются в очень небольшом количестве.) Вокруг здания и по откосам искусственной горы, на которой оно стояло, был разбит роскошный сад с причудливыми беседками, аллеями, фонтанами и целой колоннадою разнообразнейших статуй, изображавших знаменитых марсиан.

Мы опустили свой электролет у самого входа в этот роскошный дворец. С бьющимся сердцем начал я подниматься по ступенькам крыльца вслед за Либерией...

Удивило меня то, что нас никто не останавливал и не спрашивал, зачем и к кому мы идем? Но вот, наконец, мы вступили под своды здания, внутренность которого оказалась еще более роскошной, чем наружный вид. Первое, что мне бросилось в глаза, — это какие-то огромные; богато изукрашенные шкафы с циферблатами, расставленные по всей длине громадной залы. Около этих шкафов разгуливали несколько марсиан, не обративших на нас ни малейшего внимания. Но когда мы прошли несколько далее, к нам вдруг подошел один из них.

— А, Либерия и господин Не-Он! милости просим! — приветливо заговорил он. — А я уже давно вас здесь поджидаю, так как Пакс предупредил меня в вашем намерении посетить наше Бюро.

Как оказалось, это был Рацио, друг Пакса. После первых приветствий он отвел нас в один из уголков залы, усадил за столик, и так как мы были

голодны, угостил прекрасным завтраком, который был автоматически, как и везде, подан на этот столик.

— Обратите внимание вот, например, на этот шкаф,— указал он, подводя меня к одному из огромных шкафов, наверху которого красовалась надпись: «Агрикультура».

Боясь, что надо мной трунят, я хотя и недоверчиво, но тем не менее с величайшим любопытством начал рассматривать...

XVI²

На Озере Солнца, в окрестностях здания Бюро, был целый город, единственный город на всем шаре Марса, или, вернее, даже не город, а нечто вроде постоянной всемирной выставки, где были сосредоточены все достопримечательности, все диковинки Марса. Тут были разнообразнейшие музеи, различные картинные галереи, физические кабинеты, химические лаборатории, отделения для машин и прочее, и прочее, словом — были выставлены все произведения марсианских хоботов и марсианского гения, начиная с доисторических времен и кончая последним временем. Чтобы осмотреть, даже бегло, все достопримечательности этой выставки, потребовались бы многие месяцы, если не годы.

Я не стану описывать подробно все то, что -я здесь видел; упомяну лишь о двух, наиболее меня поразивших диковинках — это о «Марсианской усыпальнице» и «Панораме мира».

«Марсианская усыпальница» находилась в огромном дворце, все залы которого были уставлены гробницами, с заключенными в них телами марсиан. Но эти тела не были трупами, это были тела лишь на время умерших, или, вернее, — уснувших, марсиан. Уже несколько тысячелетий тому назад марсиане открыли способ приостанавливать на произвольно долгий срок жизнь в живом организме и потом в любой момент воскрешать этот организм снова. Таким образом, прерывая жизнь на те или другие сроки,

² Главы XIV и XV в оригинале изъяты цензурой. — Прим. редактора.

явилась возможность продолжить ее чуть не на произвольно долгое время. После этого открытия нашлось много охотников, пожелавших быть усыпленными на десятки, сотни и даже тысячи лет, с условием, чтобы потом, в указанный ими срок, их разбудили, и они могли бы жить снова.

Подвергающегося усыплению обыкновенно поят каким-то особым составом, и когда он засыпает и в его теле совершенно замирают все жизненные отправления, это неподвижное, замершее тело опускают в особого рода жидкость, которая обладает свойством при малейшем сотрясении мгновенно обращаться в кристалл, подобно воде, с температурой ниже 0° , так что тело усыпленного оказывается внутри этого кристалла и делается совершенно недоступным никаким внешним влияниям атмосферы, вследствие чего может сохраняться, как какой-нибудь консерв, совершенно не тронутым бесконечно долгое время. На кристалле делают надпись, — кто такой, когда усыплен и когда его следует разбудить, а затем ставят в усыпальницу. Чтобы вызвать вновь к жизни консервированный таким образом организм, кристалл особым образом разбивают, причем, он рассыпается на мельчайшие кусочки, а освободившееся тело, после известных совершенных над ним манипуляций, воскресает.

«Панорама мира» находилась также в особом здании, вернее — в огромной обсерватории.

Уже давно-давно, еще в то время, когда наша Европа переживала ледниковый период, марсиане изобрели особого рода телефотограф, который дает возможность на свертке ткани, постоянно развертывающемся, непрерывно получать изображения той планеты, на которую этот прибор направлен, и фотографировать ее. Громадные кипы подобных свертков с изображениями, в которых заключаются истории в лицах всех солнечных планет, хранятся, расположенные в хронологическом порядке, в особых книгохранилищах, и всякий желающий во всякое время может видеть любое событие, совершавшееся/ например, на нашей Земле, за сотни и тысячи лет тому назад. Для этого соответствующий свиток наворачивают на

вращающийся вал и смотрят на изображения на нем через особые оптические приборы.

Рацио, бывший нашим проводником, показал нам несколько таких живых картин из истории нашей земной планеты. Я видел, таким образом, в этом оригинальном кинематоскопе пещерных людей, ведущих борьбу с дикими, допотопными животными; видел кочевые племена, населявшие в доисторические времена нашу нынешнюю Европу; видел затем египетских фараонов, окруженных многочисленными толпами свиты и войска, во время смотра; видел царя Давида; видел греков в сражении при Фермопилах; Юлия Цезаря, поражаемого Брутом; Наполеона во время Бородинской битвы и прочее, и прочее. Словно на огромной сцене театра, исторические события, одно за другим, развертывались перед моим глазом.

Более трех недель употребили мы с Либерией на осмотр и изучение разных чудес, находившихся на выставке на Озере Солнца, но, разумеется, не осмотрели и десятой доли того, на что стоило бы взглянуть. Я так увлекся всем мною виденным, что стал почти совершенно позабывать о том, кто я, и что мое пребывание здесь, на Марсе, только временное. К окружающим меня марсианам я привык настолько, что стал смотреть на них так же, как смотрел бы на людей, — их безобразие уже перестало мне казаться безобразным, напротив, они казались мне очень милыми, ловкими и даже грациозными. Словом, я чувствовал себя здесь как нельзя лучше, и все мои желания были направлены к тому, чтобы побольше видеть, побольше знать.

Но вот в одно прекрасное время Рацио сообщил мне, что Пакс желает переговорить о чем-то со мной.

— Что вам угодно? — спросил я, подойдя к телефону.

— Несчастье! — ответил Пакс. — Мой сын Экспериментус, переселившийся в ваше земное тело, внезапно заболел. Болезнь очень серьезная. Его можно спасти только под одним условием, если ваше «я» снова немедленно же возвратится в свое тело; иначе ваше земное тело умрет,

дух моего сына отойдет в область неизвестного, а вы останетесь среди нас навсегда.

Это известие было для меня ударом грома среди безоблачного неба! Как ни интересна была жизнь среди обитателей Марса, но я все-таки находился тут только из любопытства, я был только гостем здесь, и мне никогда и в голову не приходило оставаться тут навсегда. Там, на Земле, остались все мои привязанности, все мои привычки, вся моя любовь. Я предпочитал лучше жить вместе с людьми, чем оставаться чужим среди благоденствующих марсиан. Я вспомнил, наконец, о своей возлюбленной, оставшейся на Земле, и жгучий стыд и страх овладели мной. Как я мог позабыть о ней?! Как я мог хоть одну минуту не думать о ней?! Боже мой! Что, если в самом деле мне придется остаться здесь навсегда, навечно с ней разлученным, и она даже никогда и не узнает о моем удивительном превращении?! О, мне казалось, что я схожу с ума! Мы только тогда познаем всю силу любви, когда рискуем потерять любимое существо. Но при обыкновенных условиях человек, по крайней мере, борется, старается устранить препятствия, мешающие ему соединиться с любимым человеком, проявляет иногда геройские подвиги, выказывая всю силу своей энергии, своего ума, своей ловкости. Но что значили бы весь мой ум, вся моя энергия, все мои силы и способности, если бы мое земное тело погибло, а я остался бы на Марсе? Если бы даже допустить, что Роша, или кто-нибудь другой на Земле, пожелали поменяться со мной моим марсианским телом, и я снова имел бы возможность попасть на Землю, то разве моя возлюбленная узнала бы меня в моем новом теле? Разве она могла бы меня любить так же, как раньше? Без сомнения, нет! Ведь любят не за одно «я», не за одну душу, а и за тело. Разве может иметь какую-либо прелесть для молодой девушки юная душа в дряхлом старческом теле?

Мое положение было поистине трагическим. «Скорее, скорее! Авось, еще успею!» — вот все, на что я мог теперь надеяться.

Мой страх был дотого велик, что я, позабыв всякую деликатность, чуть не силою тащил Либерию ехать со мною в обратный путь, так как один я не сумел бы ориентироваться и найти более прямую и скорую дорогу к жилищам Паксов. Юная марсианка беспрекословно повиновалась моему желанию, но при всем своем смятении и страхе я не мог не заметить, что она была очень расстроена и опечалена. «Бедняга, — думалось мне, — она ведь тоже рискует потерять своего единственного брата». Однако мне почему-то казалось, что она далеко не с той стремительностью спешит с нашим возвращением, как этого хотелось мне. Впрочем, нужно сказать и то, что при моем положении каждая секунда должна была мне казаться целою вечностью! Рацио, бывший с нами, заметив мое беспокойство и тревогу, стал успокаивать меня, говоря, что если мы отправимся в обратный путь по подземной железной дороге, вагоны которой приводятся в движение сжатым воздухом, то через какие-нибудь час-полтора будем уже на месте. Он довел нас до подземного вокзала, где мы сели в пулеобразный, герметически закупоривающийся вагон. Так как во время пути приток свежего воздуха снаружи в эти вагоны был невозможен, то в них находились особые резервуары с жидким воздухом, благодаря которому пассажиры в вагонах могли вполне обходиться без наружного свежего воздуха.

Поезд тронулся. Но несмотря на страшный толчок, который должен был получиться в начале полета вагона по трубе, этого толчка я почти не заметил. Точно так же остановки и толчки на узловых линиях, которые неизбежно должны были встречаться нам на пути, еле-еле ощущались, — дотого устройство этих дорог было совершенно.

Мы оба почти всю дорогу молчали. Я предоставляю судить самому читателю о той тревоге и опасениях, которые происходили в это время в моей душе.

Что, если мы опоздаем? Шутка сказать! Ведь вся моя судьба висела на волоске из-за какой-нибудь одной промедленной минуты, и я мог остаться навсегда здесь чужим, среди чуждых мне существ, с которыми у меня

решительно ничего общего не было, да, как мне казалось, никогда и не могло быть.

Но вот прошло полтора часа, показавшихся мне целую вечностью, и кондуктор объявил, что мы у цели нашего путешествия.

Либерия, всю дорогу мрачно молчавшая, встала и повела меня за собой. Вскоре мы очутились в воде, на дне моря, и тотчас же начали подниматься на поверхность, работая своими членами. Вынырнув из воды, я увидел, что мы находимся подле самой обсерватории Пакса, откуда я начал свое странствование по Марсу. Мы проникли в преддверие, находившееся внизу башни, у поверхности воды. Тут оказалась подъемная машина, ведущая на верх обсерватории. Либерия указала мне, как ее следует приводить в движение, и, подавая мне для пожатия свой хобот, сказала:

— Прощайте, Не-Он! Я чувствую себя не в силах присутствовать при вашем возвращении на Землю. Вы меня никогда более не увидите, — но знайте, что я буду постоянно наблюдать за вами отсюда, когда вы будете жить на Земле. Вспоминайте иногда меня!.. Я... Я... — голос ее прервался, — я полюбила вас! Да, я вас люблю! — почти с рыданием вскричала она, и не успел я опомниться от изумления, услыша такое совершенно неожиданное признание, как юная марсианка быстро повернулась, нырнула в воду и исчезла под ее волнами.

Я был поражен и несколько минут стоял, как окаменелый. В моей душе поднялся целый вихрь разнообразных мыслей и ощущений. Прежде всего я почувствовал, что с моих глаз спала точно какая-то пелена: я увидел, что я здесь, на Марсе, был уж вовсе не так одинок, как мне это почему-то казалось. Во время нашего путешествия с Либерией мне ни разу и в голову не забредала мысль о возможности любви между нами, — считал я это невероятным не потому, что Либерия, на наш, земной, взгляд, была безобразна, — совсем нет! Я успел уже, как сказал раньше, не только привыкнуть к этому, но даже стал находить и понимать своеобразную красоту в безобразии марсианского тела, — оно мне не казалось, уже

отвратительным, напротив, — не менее привлекательным, чем и человеческое тело. К Либерии же я стал даже чувствовать какое-то бессознательное влечение. Не забредала же в голову мне мысль о возможности любви между нами потому, что просто как-то не представлялось к этому повода. И вдруг ее внезапное признание в момент разлуки навсегда, ее грустный, кроткий глаз, полный слезы, когда она говорила это признание, и ее быстрое исчезновение сильно смутили мое сердце. Я понял теперь, почему после рокового известия Пакса, так меня напугавшего и встревожившего, Либерия казалась все время столь грустной и молчаливой. Очевидно, в ее душе в это время происходила страшная драма. По-видимому, психика женщин, как на Земле, так и на Марсе, одна и та же: как те, так и другие любят все необычайное, все выходящее из ряда обыденной жизни, все так или иначе интересное. А я, без сомнения, попав на Марс при столь исключительных условиях, был в данное время самым интересным субъектом в глазах юной марсианки; неудивительно поэтому, что, находясь со мной все время нашего, путешествия в общении и близости, она увлеклась мной и полюбила меня. Любовь эта зародилась и свила себе гнездо в ее сердце совершенно бессознательно: она совсем не думала о тех последствиях, какие могут выйти из этого. Известие от Пакса о болезни моего alter ego³ на Земле раскрыло ей глаза, и она ясно увидела, на каком рискованном основании покоилась ее любовь ко мне: свое счастье она могла бы купить, в лучшем случае, только потерю навсегда своего единственного, горячо любимого брата. И это сознание должно было страшно ее мучить и угнетать.

Я не знал, что мне было делать? Броситься за ней следом? Но где я мог отыскать ее под волнами безбрежного моря? Местность мне была незнакома, и я легко мог совершенно затеряться. Да и к чему? Ведь если бы я сознательно решил остаться на Марсе и, таким образом, пожертвовал бы

³ Второе я (лат.).

чисто из эгоистических побуждений ее братом, разве она простила бы мне это?

Мне ничего более не оставалось, как нажать кнопку и подняться на верх обсерватории, что я и сделал, хотя уже далеко не с той торопливостью, с какой стремился сюда раньше.

Наверху меня поджидали уже г-н и г-жа Пакс.

— А где же Либерия? — обратилась ко мне мать юной марсианки.

— Она почему-то не захотела присутствовать при моей вторичной метаморфозе, — ответил я, сильно смущенный.

Паксы переглянулись между собой, и по их молчаливому взгляду я понял, что они догадываются об истинной причине, заставившей их дочь отсутствовать.

— Мой сын несколько увлекся, путешествуя по вашей Земле, и не соразмерил силы вашего организма с духом своей предприимчивости и энергии, следствием чего было очень серьезное расстройство вашего земного тела, — заговорил Пакс. — Дело можно поправить, как я вам уже сообщал, только под условием, если вы немедленно же возвратитесь обратно на Землю.

— Я готов, — ответил я.

Тогда Пакс усадил меня в кресло и усыпил.

Когда я очнулся, то увидал, что лежу на постели, в обсерватории г. Роша, на Монблане. Я вновь был прежний «я», но в каком состоянии — увы! — Я был совершенно болен, разбит, расслаблен и лежал почти без движения.

Добрый Роша суетился возле меня и подавал мне какие-то лекарства. Затем я впал в забытие, со мной началась нервная горячка, и жизнь моя долго висела на волоске. Только в начале ноября, когда на Монблане наступила уже суровая зима, я в состоянии был вставать с постели и ходить по комнате. Меня перенесли на носилках в Шамуни, где я пробыл всю зиму и только к весне окончательно поправился и окреп, благодаря целительному горному воздуху.

Вскоре затем я уехал в Россию.

Заключение

Прошло восемь лет. Много воды утекло за это время; много привелось перенести мне тяжелой нужды, несправедливых обид и гонений, много пережить несчастий и горьких разочарований. Не раз, смотря в тихую звездную ночь на небо и отыскав глазами красную звездочку,— планету Марс, я вспоминал про Либерию и думал, что, может быть, и она в это же самое время смотрит на нашу Землю, видит меня и думает обо мне; и я глубоко жалел, что не остался там навсегда, на этой удивительной планете. И все это время я с нетерпением ждал, когда, наконец, господин Роша опубликует о своих сношениях с обитателями Марса. Но проходил год за годом, и я напрасно следил за газетами, в надежде, что вот-вот все заговорят об удивительном открытии Роша — о нем не было ни слуху ни духу.

Осенью 1895 года судьба снова забросила меня в Швейцарию, и я воспользовался случаем, чтобы отыскать своего старого знакомого астронома, и поехал в Шамуни. По дороге я остановился в Мартиньи, в Ронской долине, и, случайно разговорившись с хозяином отеля, спросил у него, между прочим, — не слыхал ли он что-нибудь о некоем ученом Роша, живущем на Монблане?

— Роша... Роша... Позвольте, — сказал француз, выслушав меня, — я что-то такое припоминаю; кажется, я где-то читал о гибели какого-то чудака-ученого на Монблане. Да, это было в 1888 году, во время всем памятной здесь необыкновенной грозы, пронесшейся над Швейцарией и Савойей и наделавшей тогда нам немало бед. Я потерял в то время почти все свои виноградники. Да, припоминаю... Впрочем, если не ошибаюсь, у меня чуть ли не сохранился даже и номер газеты, в котором было сообщено о гибели этого ученого.

— О, какое бы вы сделали мне одолжение, если бы оказалось возможным отыскать этот номер! — воскликнул я, сгорая от любопытства и тревоги.

— Tiens, je vais le chercher dans ma bibliothèque, — сказал обязательный француз, и через несколько времени он принес мне старый номер одной провинциальной французской газеты за 1888 г., где, между прочим, значилось следующее:

«1-го, 2-го и 3-го октября почти вся Швейцария представляла из себя как бы какой-то сплошной рокочущий ад. Все эти три дня свирепствовала страшная гроза, сопровождавшаяся почти непрерывными, наводившими чуть не панический ужас, раскатами грома и несметными потоками дождя. Все горные речки и ручейки вышли из своих берегов и превратились в грозные бушующие потоки. Низменности затоплены. Железнодорожное сообщение во многих местах прервано. Погибло множество виноградников и фруктовых деревьев. Убытки простираются на десятки миллионов франков. Гроза не миновала и Савойи, причинив и здесь немало бед. В порых, в особенности около Монблана, было много обвалов, погубивших сотни голов скота. Не обошлось и без человеческих жертв. Между прочим, на Монблане погиб один оригинал-ученый, некто господин Роша. Этот ученый много лет жил вдвоем со своим слугою на одной из вершин Монблана; по словам одних — занимаясь изучением движения ледников, по рассказам других — собиранием редких горных трав. Достоверного же о его жизни никто ничего не мог сообщить, так как господин Роша жил совершенным отшельником и никого к себе не допускал, да и о месте его хижины знали только очень немногие, близкие ему люди. Огромная снежная лавина, сорвавшаяся с вершины горы, на которой стояла хижина г. Роша, увлекла последнюю за собой в пропасть вместе с ее хозяином и слугой. Все поиски оказались невозможными, так как обвалом засыпало все следы...»

Итак, вот где была разгадка, почему молчал господин Роша! Значит, все его многолетние труды, мемуары, все поучительные беседы с обитателями Марса, все те открытия и изобретения по разным отраслям знаний, заимствованные им от ученых Марса, словом — все, что он готовил издать в свет, все это безвозвратно погибло!

Судите же теперь сами, какую незаменимую утрату понесло человечество в лице этого скромного ученого-труженика!..

Предисловие, подготовка текста и публикация Ю. Медведева